

ИГОРЬ ЛУЦКИЙ

1940

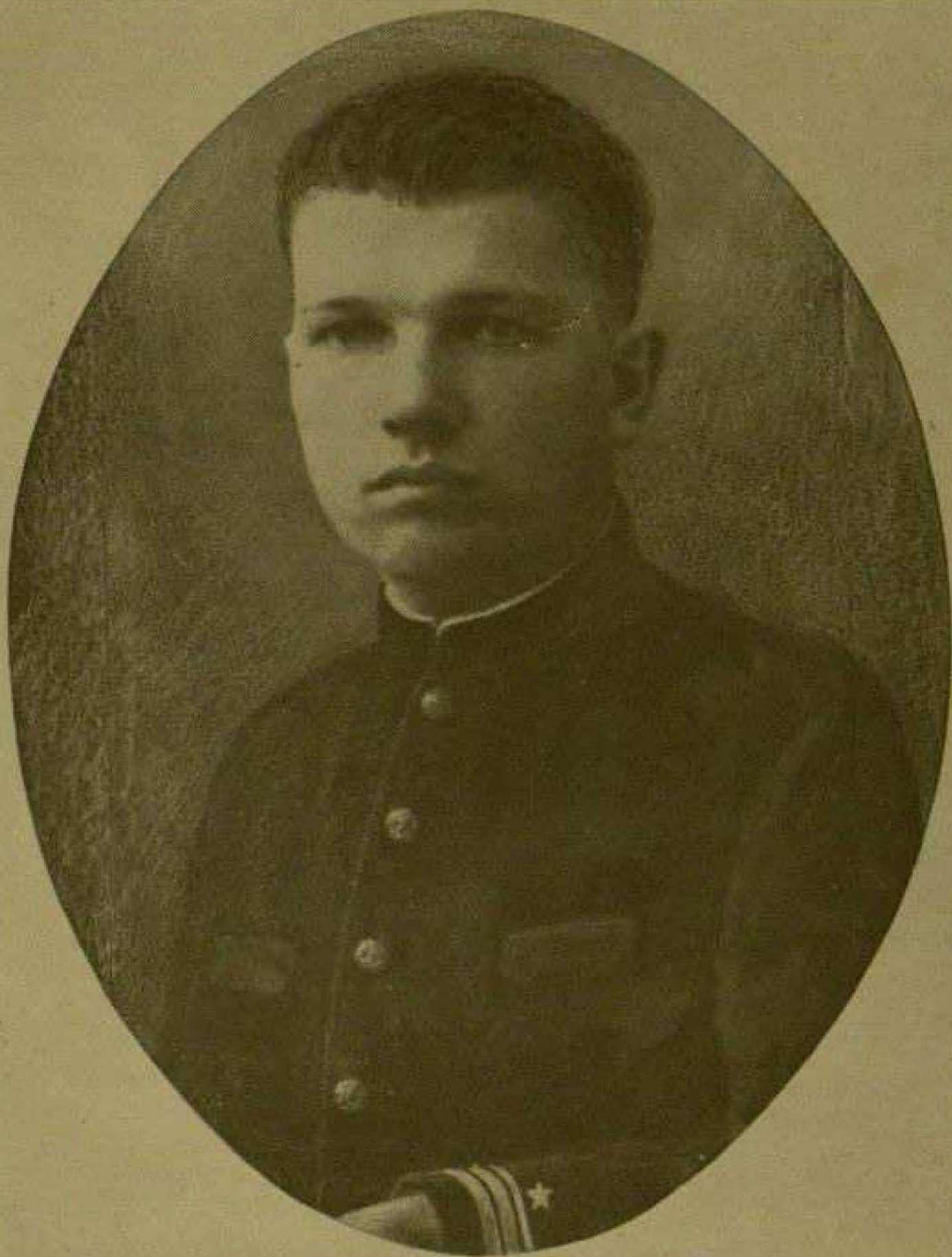
Море

и

ПЛЕН

1945

Капитан-лейтенант
Игорь Луцкий

Игорь Луцкий.

М О Р Е

И

П Л Е Н

ТРАГЕДИЯ СЕВАСТОПОЛЯ.

(1940 — 1945)

Все права на книгу сохранены за автором

All Slavic Publishing House, Inc
133 East 4th Street New York 3, N. Y.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Часть первая.	
От автора	5
«Безымянный»	7
а) Вечный секрет	25
б) Юбка в море	32
Часть вторая.	
Сталин и Гитлер пробуют свои военные знания на земле России	45
а) Весна и женщины	63
Часть третья.	
«Десант в неизвестность»	73
Часть четвертая.	
В тылу врага	89
а) Юг и Черное море	103
б) Сопротивление кончается но вре- мя дает выигрыш	111
Часть пятая.	
Плен	125
а) Тюрьма	138
б) Лагеря и камеры смертников	143
в) Восточные рабочие — «Остарбай- теры»	154
Послесловие	161
Эпилог	165

О Т А В Т О Р А .

Прежде чем начинать писать эту книгу о пройденных дорогах в минувшие злопамятные дни второй мировой войны — черноморцами, я хочу пояснить читателю, что побудило меня взяться за перо и начать свои воспоминания о Российских моряках, прошедших свою Голгофу в огне, на морях и на суше.

Многие пишут свои „мемуары”. Пишут их и иностранцы о русских воинах, используя случайные материалы нашего беспокойного времени.

Я лично, не принадлежу к таким наблюдателям современных дней. Мне не довелось творить сверхчудеса в истории. Не собираюсь я и кляузничать, бросать в кого либо грязью, что часто встречается в „мемуарах” наших русских авторов из эмиграции.

Я буду касаться только того, что было самым пережито на родных землях России.

Я остался одним из немногих, которым довелось по долгу своей службы, видеть и самому шагать по горящим городам и селам Крыма, Украины, Белоруссии.

В свою бытность военнослужащим, советского военноморского флота на Черном море и по воле судьбы уцелевшим, я живой свидетель зверств, не только нацистов гитлеровской Германии, но и палачей сталинского коммунизма, из стен НКВД и НГБ Кремля, при обороне города Севастополя в 1941-42 годах.

Это зло и обязало меня, еще и еще раз напомнить уцелевшим защитникам крепости, о тех страшных днях, чтобы каждый из них вспомнил и теперь, вдалеке от Родины, черноморских героев без орденов и медалей, не как краснофлотцев в советских бушлатах, а как верных патриотов России и вспомнил ту правду пагубных сталинских оборон города, о которых так мало знает наша послевоенная зарубежная молодежь.

Я хочу вспомнить о тех погибших, которые не по своей вине воевали за сталинский социализм.

Юг России и пролитая там кровь сынов России, всегда со мной, до конца моих дней.

Я уверен, что возрожденная Россия, не забудет отважных черноморцев, отдававших свою жизнь за „грехи“ отцов.....

Вот причина, которая заставила меня взяться за перо и напомнить миру о матросах родины Р о с с и и .

ЭСМИНЕЦ «БЕЗЫМЯННЫЙ»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

После короткой стоянки, по случаю ремонта палубных надстроек, пополнения топлива и питьевой воды, эсминец „Безымянный” снялся с якоря и оставил семикилометровый пролив Большого рейда.

Оснастка, внешний вид его при выходе из Южной бухты был настолько внушительный, что подавал надежду о непобедимости русского флага. Провожавшая толпа, в которой было много девушек, долго махала платочками вслед постепенно скрывавшемуся из вида кораблю, на котором уходили их друзья и возлюбленные. Но, черноморская крепость на последние довичьи приветствия не подняла своего прощального флага. От командования всему экипажу был строгий приказ: не только с провожающими в последнюю минуту не говорить, но даже не подавать с судна прощальных знаков.

„Бдительность и еще раз бдительность” — не должна оставлять советских матросов, пока Советский Союз находится в капиталистическом окружении. — Таково требование вождей интернационального коммунизма.

Со времени спуска на воду, эсминец „Безымянный” по своему судовому журналу мог гордиться доблестью, трудолюбием и дисциплиной экипажа. Оставляя родной город, он спешил в строй маневрирующей Черноморской эскадры, но быть вместе с другими кораблями ему долго не пришлось. Пришло срочное распоряжение, оставить

эскадру и в сопровождении двух малозначущих судов идти на Новороссийск.

В спешности изменения маршрута эсминца, знал через радиста в первую очередь комиссар, а уже во вторую только и сам капитан корабля. Так уже водилось во времена сталинской диктатуры: хозяин знал последним, что делается в его собственном доме.*)

Пересекши широты морского поля, „Безымянный” благополучно дошел до гавани Новороссийска и бросил якорь.

Социалистические соревнования еще в доках Севастополя изнурили матросов. Этот ремень социализма нигде не оставлял подсоветского человека.

Моряки, как и заводские рабочие, должны были держать себя в полной изоляции от несоциализированной публики. Матрос уходящий в море, это прежде всего человек выполняющий план партии и правительства и отвечать на прощальный привет своей возлюбленной в его обязанности не входит. Обязанность его выдерживать, под час непосильную, вахту стахановщины, как и на суше советскому рабу: один за трех.

Матросы были изморены бесконечными соревнованиями и каждый из них ждал отпуска на берег. За все время стоянки эсминца на ремонте в доках крепости им так и не пришлось побывать на берегу, хотя им и было обещано политруками.

*) — Нет более ложного и страшного в делах людей, как порожаемое мнение только о себе...

Теперь-же, попав в бухту Новороссийска, они верили, что им разрешат побывать на заманчивом берегу и они принялись ободрять друг друга, желая каждому счастливчику хорошо отдохнуть в городском саду среди гражданской молодежи.

Особенно рвались на берег матросы первого года службы, считавшие себя как бы полу-морьяками и рвались не от усталости вахт, а от политических занятий, которые советскими комиссарами называются „социалистическим воспитанием в духе коммунизма”.

Были обмануты в своих надеждах матросы и на этот раз; как только корабль пришвартовался в назначенном месте, членом морского совета Гугиным был дан приказ, гласящий: „Никому и ни при-каких обстоятельствах, из личного состава, за исключением начальствующего командного мостика, оставлять палубу эсминца не разрешается, до тех пор, пока судно не будет подготовлено для инспекционной группы НАРКОМФЛОТА, которая ожидается с часу на час”.

Ниже, в приказе говорилось, что „Безымянный”, после проверки, должен из арсенала Новороссийского порта получить дополнительное вооружение, равное военному времени.

Под приказом стояли подписи, к строевой и боевой службе флота никакого отношения не имеющие: Нач. политотдела Гугина и секретаря Обкома партии Крыма АССР Семенова.

Командир эсминца, капитан второго ранга А. Серов, обойти требование политических вельмож не смел и тут же отменил судовой отпускной лист, обязав технический

персонал, как можно скорее, не считаясь с временем, привести корабль в полную боевую готовность.

Причина ревизии эсминца и длительное пребывание в Новороссийской гавани, из рядового состава экипажа никто не знал и эта неизвестность тревожила не только матросов, но и младший начальствующий состав, что вызывало различные толки. Кто то пустил даже слух, что „не позднее следующего дня советским правительством, что-то предпринимается на морских границах”. —А я, еще будучи дома, — сказал один матрос, — слышал, что в этом году наши морские силы должны забрать у турок контроль над Дарданеллами.

Следующий день прекратил все толки и догадки. Было оглашено, что: „эсминец не только отлично справился с порученными ему ранее заданиями в пробных тренировках морского боя, но и в зональных водах предполагаемого „врага”, показал из всех единиц флота, самые высокие технические качества обученности личного состава и свою максимальную маневренность, в случае навязанной империалистами войны, за что, военноморской совет флота благодарит и выносит свою признательность матросам и командирам эсминца”.

От командующего же Черноморским флотом адмирала Горшова, экипажу передавалась похвальба и одновременное предупреждение капитану судна „не успокаиваться на достигнутых успехах и оставаться всегда бдительным советским офицером”.

Согласно спущенного социалистического плана, эсминец досрочно был приведен в боевую готовность. За этой подготовкой днем и ночью следило зоркое око

Особого отдела НКВД и портовой партийной организации.*)

В Советском Союзе „поощрения” и „благодарности” даром не даются. Они профилактически стимулируются с необходимостью — общественные интересы считать выше личных. Таково было и „поощрение” присланное экипажу эсминца, гласившее: „Учитывая, что до выхода в море имеется еще время для стоянки корабля, то в знак поощрения, политическое управление флота рекомендует, а командующий приказывает, разрешить командованию „Безымянного”, производить увольнение матросов и начальствующих лиц в город, но не превышая пятнадцатипроцентного числа от всего личного состава...”

Это плановое приказание было зачитано на политбеседе комиссаром и оно, мало кого из моряков ободрило, все они стояли понуря головы, но что будешь делать коль правды нет в СССР. И поэтому увольнение производилось по личному отбору комиссара.

В первую очередь, на кратковременный отпуск имели право отличники и „сверх-отличники” по боевой и политической подготовке и по безукоризненной морской дисциплине: имевшие же хотя малейшее замечание или не заслужившие значка социалистического отличника, как-то ПВХО, или ГТО, на отпуск не имели никаких шансов. Это разграничение на отдых политическими работниками флота называлось — „социалистическим равенством всех граждан СССР”.

*) В эти минуты было предпринято все и даже Вебстерская психологическая наука об Интеллекте — самоисследования сил, возможностей и характера черноморских моряков.

Все эти категории в разграничении создавали среди матросов недовольство и злобу, недоверие друг к другу. Старослужащие начинали бояться первогодников и приближенных к комиссару матросов, подозревая их в сексотстве.

Когда началось увольнение на берег, каждый второй, не попавший туда завидовал товарищу попавшему в отпуск и придумывал на дальнейшее, как бы обмануть око всевидящего и всеслышающего комиссара.

Некоторым из провинившихся удавалось запутать свои малозначущие „грешки” и проскакать прямо с вахт на манящий берег, даже без отпускной карточки, но последствия для таких моряков были плачевные. Каждый такой матрос получал если не арест, то строжайший выговор с занесением в личное дело. Помарка личных бумаг считалась наказанием тягчайшим и тяжелее, чем гауптвахта.

Но, чем больше комиссар накладывал взысканий, тем больше увеличивались случаи недисциплинированности.

Матросы все чаще и чаще начинали самовольно покидать, без всякого разрешения, палубу корабля. Судовой журнал запестрел самовольниками и даже невозвращенцами.

Часть из таких матросов, удачно выбравшиеся с корабля без увольнительного номера, обратно не возвращались, считая сами себя дезертирами и боялись попасть в подвалы Особых Отделов, которые находились в каждой гавани Черноморского побережья.

Дабы прекратить дезертирство, капитан вывел эсминец из гавани и бросил якорь на рейде.

Все выходы и даже сам трап командного мостика были взяты под круглосуточную охрану, поскольку капитан боялся и отсюда самовольный уход матросов — вплавь. А чтобы прекратить среди экипажа волнение, комиссар начал проводить с ним политические беседы, в которых упоминал, что ожидает с минуты на минуту телеграмму молнию с важным приказом, который более важен Советской родине, чем двух или трех часовые отлучки на берег...

Матросы молча слушали эти „патриотические беседы” и „мудрые обещания”, зная каждый старую русскую поговорку: „молчи на суде, коль нет защиты на столе”.

Портовое НКВД все же принялось за свою работу и добилось у комиссара Коровина разрешения арестовать пять человек из экипажа, как зачинщиков самовольных отлучек и дезертирств.

* * *

Не забывается месяц июнь 1940 года, когда в одну из очередных дневных проверок, командир корабля огласил по самой настоящей тревоге секретный приказ. Приказ взбудоражил весь экипаж. Сразу был забыт и берег, и находившиеся в Новороссийской тюрьме арестованные товарищи.

Приказ-шифровка гласил:

„Повторные тренировочные учебные маневры флота начинаются в полночь. В них участвуют:

- а) П В О — противоздушная оборона.
- б) Морская эскадра — "Н".
- в) Береговые артиллерийские укрепления и часть наземных полков. Количество условное...

Верно: Начальник штаба флота (М. П.)

Что же касается „Безымянного“, то капитан об этом не был уполномочен объявить своим матросам и он сослался на секретный параграф дополнительного указания, что делать эсминцу в дальнейшем.

Покидая берега Северного Кавказа, эсминец, как и прежде имел на своем борту полностью укомплектованный личный состав, а взамен списанных, пополнился новоприбывшими моряками из Северного флота.

Поздним вечером „Безымянный“ снялся с якоря. Дни стояли ветреные. Море бурлило, словно желая с первых узлов обрушиться своими пенными валами на корабль.

Десять суток пробыл корабль в море. Десять суток матросы подвергались муштровкам и тренировке. Выполнив, так называемый „учебный боевой приказ“. Эскадра потеряла семь человек, участников тренировочной атаки врага.

Это было уже начало безвинных жертв на море, так как один из скороходных кораблей „Охотник“, наскочил на свою же мину, почему-то оказавшейся в месте учебы. Как после выяснилось, погранично-заградительный тральщико-минный дивизион, в спешке соревнования выбросил боевую мину. Помимо семи жертв, корабль был поврежден в корпусе и дал течь в машинном отделении, но

он все-же шел своим ходом и не требовал технической вспомогательной помощи, а если бы и запросил, то такая советским командованием не всегда давалась.

Особым Отделом НКВД этот случай был зафиксирован как диверсионный акт врагов Советского государства. Особоуполномоченные рьяно принялись за дело и, простую оплошность раздули в „морскую диверсию“. Как только произошел на „Охотнике“ взрыв, тот-час же на корабле появились сержанты, лейтенанты и капитаны Государственной безопасности, которые начали сортировать по категориям всех участвующих в маневрах и искать среди них диверсантов.*)

Днем и ночью, в секретных кубриках политработников заседали чекисты пересевая всех моряков: они писали стопы бумаги на допросы и расспросы об автобиографических данных черноморцев о родственных связях в районах Западных границ с Польшей. Следствие задержало эскадру в море на двенадцатую ночь и хотя, ничего существенного чекисты не обнаружили, они не успокаивались и всеми силами старались найти „диверсанта“ или сообщника зловещей мины. Особый, без имени, катер следственной комиссии, метался от корабля до корабля. Агенты секретной службы, еще до дней войны

*) Черноморцы, как и все россияне искали добра и правды, которые все еще и по сей день мертвы в руках диктатуры и не дают плодов пустыне.

искали мнимых врагов во флоте, за которых не мало получали ордена от щедрого „отца народов“ Сталина.*)

На борту „Безымянного“ матросы ухмыляясь, перешептывались между собой, но вахту несли дружно, они боялись и за судьбу списанных и за самих себя.

С наступлением вечера, флагманское судно подало сирену о приближающемся шторме и сигнальщики дали тревогу по-отрядно.

„Охотник“ имевший повреждения начал отставать. Взволнованное море нагоняло вал за валом волны на его борта. Шторм разыгрался со всей силой. Средние суда, особенно вспомогательные, не могли уже противиться морскому бурану. Эсминец в конце концов должен был взять на буксир раненое судно, которому смерч угрожал больше, чем остальным единицам. Маневренный командир головной группы кораблей, в последнюю минуту беря на себя ответственность, принял решение и дал приказ эсминцу отстать от уходящей все дальше и дальше эскадры и подавать помощь терпящему бедствие „Охотнику“.

*) Цель их была, хоть чтонибудь обнаружить компрометирующее у того, или другого матроса, которое бы им помогло состроить дельце диверсионного акта в море, а если нет, то хотя-бы найти несуществующего „сообщника“ самой зловещей мины...

Сейфы особистов настолько распухли от ненужных бумаг, что отдельным чекистам пришлось часть из них носить при себе, как секретные документы не подлежащие оглашению, хотя и ничего не стоящие для государственной безопасности.

Разыгравшийся с молниеносной быстротой шторм, так-же быстро прекратился как и взбесился. Море успокаивалось и корабли, пользуясь затишьем, начали подавать друг-другу позывные сигналы о месте нахождения.

„Безымянный“, потративший немало сил в помощи пострадавшему кораблю, медленно пересекал водную пустыню. С палубы его стала ясно видна покосившаяся мачта „Охотника“, но она и после шторма так-же как и прежде, своим развевающимся на ветру флагом напоминала, что корабль еще находится в строю эскадры.

Потеряв, как и сопровождающий его буксир, большую часть своей технической мощи, „Охотник“ с трудом преодолевал морские узлы, следуя за кормой „Безымянного“.

Неожиданно, Северный ветер подул с новой силой и корабли вторично настигла буря, бросая их в мертвые ямы морской пучины. Громадные валы громоздились друг на друга; ветровые порывы кренили суда справа на лево, небо заволокло темной свинцовой тучей, заблестала молния и хлынул дождь, дождь Юга России.

Казалось, что сама стихия, обрушившись на корабли, решила отомстить судам за гибель семи моряков.*)

Наступила шестнадцатая ночь в море. Экипаж „Безымянного“ из сил выбился в борьбе со штормом и по защите от полной гибели „Охотника“.

*) Шторм, как разбойник подкрался из-за угла и начал крениить корабли, бросая их в мертвые ямы морской пучины.

„Этой страшной силе и природа решила помогать“, говорили молодые матросы, так как на суда беспощадно ползли и ползли пенящиеся вздыбленные гребни.

И только к рассвету оба корабля благополучно прибыли в Северную бухту Севастополя. Там их уже поджидал сводный военноморской оркестр и отряд катеров со штабными и партийными работниками крепости.

Матросы освободившиеся от вахт, высыпали на мостик палубы, дожидаясь когда спустят трап на сходни. Каждый теперь знал, что это не Новороссийск и на берегу побывают все, независимо от нагрудных значков отличия.

С любовью смотрели сигнальщики кораблей на родные берега и все, что было на семикилометровом пространстве большого залива, к тому же живописного.

Пострадавшее судно, корабль-буксир отвел в ремонтные доки корабельной стороны, а его экипажу вместе с матросами „Безымянного” разрешили разделить устроенные в честь маневров торжества.

Вся группа кораблей эскадры прибыла в залив на сутки раньше эсминца, но это не помешало „Безымянному” и „Охотнику” быть в числе отличившихся единиц морских сил Советского Союза. Во времена Сталина — все было хорошо лишь бы не упустить поставленной цели.

На второй же день из Москвы пришло распоряжение, что маневры еще не окончены и, что морские занятия будут продолжаться, независимо от метеорологических условий.

На другой день стало известно в штабе, что за время отсутствия в море эскадры, военный совет приказал командиру маневров, не допускать во время тренировочных занятий, никаких условностей и огонь применять к условиям внезапности.

Так, многим и многим бывалым черноморцам стало известно, что эминцу „Незаможник” было дано приказание — стрелять и он произвел против воли своей несколько выстрелов боевыми зарядами, в район татарского поселка „Братеньевка”. Политические руководители флота, зашли так далеко что в их глазах строевой командир становился ничто.

Штабу противоздушной обороны (ПВО), находившемуся на Малаховом Кургане, было строже наказано фиксировать боеспособность, не только наземных и воздушных сил, но и морских. Роль Штаба была настолько велика, что комиссар ПВО зачастую подменивал не только командование маневрами, но и самого командующего флотом.

Отсюда, как результат этого контроля и партийно-политического наблюдения, роль командира сводилась к нулю.

Одной из жертв такого контроля в этих довоенных смехотворных маневрах оказался Комбриг **Мухин**, начальник Каченского аэродрома, который выбросил с гидропланов около восьмисот парашютистов, из которых более четырехсот разбились на смерть. Причиной гибели этих молодых людей были сами парашюты в которых не раскрывались трапила.

Этот недосмотр, стоивший больших жертв, в Кремле был причислен к вредительскому акту контр-революционных элементов.

Командир Мухин был причислен к врагам народа, и, позднее расстрелян НКВД, а сами маневры приостановлены на неопределенное время. Горячка с муштровками

и боевой тренировкой утихла и началась обыденная суета в перемещении команд рядового состава и чистка офицерства в местном гарнизоне.

Матросы и командиры обновленных экипажей стали получать от своего „нового“ начальства короткосрочные отпуска. Благожелательно относилось к получившим отпуска даже и Главное Командование военно-морскими силами Севастополя. Даже матросы, имевшие за время маневров дисциплинарные взыскания, получили помилование и могли пользоваться отпусками наравне с остальными стахановцами социалистической России.

Что касается городской жизни, то она ничем не изменилась за время отсутствия матросов в море: население попрежнему ощущало во всем недостаток, особенно в пищевых продуктах и одежде и матросы могли выменивать как и прежде свои жировые пайки и одежду на водку, хотя этот товарообмен строго наказывался местными властями вплоть до осуждения военным трибуналом.*)

* * *

Пострадавший от мины „Охотник“ был отремонтирован, под личным контролем партийной организации докеров — в пять дней.

*) Гете писал: „Если кто потерял состояние, то он еще ничего не потерял. — Состояние он может нажить вновь. Если он потеряет честь, то пусть попробует приобрести славу и она будет ему возвращена...“

Но если он потеряет мужество, то такой человек потеряет то и другое, — в с е .

К моменту спуска на воду, командующий позаботился о его награде и на верхней койме обычного военноморского флага, теперь закрашивался орден „Красного знамени“, называемая гражданами города, „бляшка“, за понесенные жертвы в мирное время.

Но корабль был не только внешне красив; стальной организм его из-за аварии попортился и Обком партии Крымской республики был обезпокоен за дальнейшую судьбу корабля-орденоносца.

Появившийся в те времена у руководителей партийно-политического аппарата военный психоз для моряков был непонятен и мало кому приходило в голову его разгадывать. Мне же, по долгу службы приходившемуся вращаться с некоторыми высшими и старшими морскими чинами, иногда были известны засекреченные параграфы кремлевских директив флоту и кабинет одного из старших помощников Командующего был для меня всегда открыт.

Однажды, зайдя туда, я застал начальника оперативной службы, моего близкого друга, М. Орлова. На этот раз, он почему то встретил меня холодно. За время моего пребывания в море, Орлов сильно переменялся и вместо дружеского ко мне отношения, я встретил сухую официальность. В беседе Орлов мне сообщил, что хотя я перемещен с эсминца на тральщик „Че-27“, старшим офицером, но он этого перевода не желает и добьется у военного совета оставления меня на „Безымянном“, куда он сам переводится на место капитана Серова.

Сообщив ему и о своем желании — остаться на эсминце, я попросил Орлова poinformировать меня: „чем

вызвано срочное перемещение командного состава с корабля на корабль, а из штаба на воду...”

Помолчав немного, Орлов сказал,

— Все, что вы услышите от меня здесь, прошу не разглашать никому. Есть срочная радиограмма от Наркомфлота: „поскольку в водах Балкан хозяйничают немецкие подводные лодки то и имеются уже сотни жертв, которые, не исключена возможность, могут появиться и на Черном море. Командующий приказывает возобновить морские маневры и часть кораблей вывести из укрытых бухт”.

От себя Орлов сообщил, что все надводные и подводные боевые единицы на днях должны будут оставить гавани Севастополя, так как в кругу Адмиралтейства упорно поговаривают о возможности войны с Германией и, что все распоряжения теперь исходят не от ЦК(а) коммунистической партии, а от самого „вождя” Сталина.

Сообщая о возможности войны, Орлов заметно волновался, повидимому не допускал мысли, что на нашу родину может обрушиться этот ужасный кровавый гитлеровский поход и хотя это известие взволновало не мало и меня, я не хотел верить в неизбежность этого ужаса. Наступал и у меня момент, когда я должен был похоронить личное „Я” и начать жить только для отцовской родины.

Что-же касается рядового и младшего начальствующего состава, то они узнали всю правду о красных делах Москвы, только в тот день, когда Западные границы Советского Союза были, без всяких препятствий, открыты для гитлеровских бронетанковых армий и только тогда, ког-

да сам Гитлер заявил во всеуслышание своему вчерашнему кремлевскому коллеге Сталину о крестовом походе на Восток, т. е. на коммунизм.

Этот злопамятный день гитлеровского нашествия на земли России для моего народа останется проклятой датой страданий, а для подрастающего поколения вечной памятью о павших черноморцах при обороне Севастополя, по вине губительной и бездарной стратегии Иосифа Джугашвили-Сталина, имя которого в веках будет произноситься только с ненавистью.

Для нас же, уцелевших защитников города, останутся до конца жизни бессмертными имена героев, павших под Инкерманом, Балаклавой, Молаховом-Кургане, Сапун-Горе, Бельбеке, Дуванке и в местах многих иных укреплений русской крепости на Черном море.

«Вечный секрет».

Перемещение кораблей накануне второй мировой войны, повторялось одно за другим, но сама волна зимних муштровок личного состава флота сорокового и начала сорок первого года подходила к концу и Адмиралтейство СССР было довольно результатами маневренности боевых вымпелов на Черном море.

Штаб Черноморского флота так же был удовлетворен военной подготовкой вверенных ему судов и особенно отрядами торпедных катеров, которые во все дни маневров оперировали вблизи турецких берегов.

Называвшийся в штабе условным термином „подвижной учебный флот и его вспомогательный транспорт”

теперь, рассеянным строем так же должен был вернуться на вновь обозначенные базы побережья Кавказа, а часть к Керченскому заливу.

„Безымянный” и на этот раз оставался в составе первой колонны „учебной” эскадры и разрезая водную зыбь, следовал на свою новую базу возле города Керчь.

Возвращаясь к родным берегам, матросы чувствовали себя на много бодрее. Хорошо ведь на морских просторах, когда нет никаких препятствий или шторма, да еще находиться на таком первоклассном корабле, каким был эсминец „Безымянный”. Это, ведь, не пыльная, знойная суша, с ее нестерпимой жарой, от пекла которой некуда скрыться или с ненастными дождливыми днями, превращающими дороги в грязные лужи...

На море, которое бывает часто и грозное для матроса, но это своя родная стихия, которую он не променяет ни на какие блага степных равнин и тайги.

Здесь голубое небо, словно ласкаячи, бросает свою голубизну на темнеющие воды и на стальные борта корабля.

Здесь душа матроса как бы сливается с морской синевой и чудным морским покрывалом.

Черноморье изменчиво, как сердце женщины. Тихо и ясно на море. Сразу налетит незнамо откуда ветерок, взбудоражит воду, нагонит тучки и начнут вздыматься волны, словно стараясь увлечь судно в свое подводное царство.*)

*) Керчь перешел во владение, как и весь полуостров в семидесятых годах восемнадцатого века к России.

Хорошо, если закапризничавшее море скоро и успокоится, а если спрячется в тумане непогоды на несколько дней, — матросу нутьга. Скучает тогда экипаж, ожидая склянку отбоя ко сну.

Но на эсминце „Безымянном” перемена погоды не оставляет следа. Его свободная от вахтенных часов прислуга, всегда на палубе, где в веселой русской песне забывается и родной дом.

Матросы службы третьих и четвертых годов, бодрствуя на корме палубы учат первогодников морскому ремеслу и рассказывают о похождениях старших мореплавателей. А ведь нигде на суше нет таких легенд и былей как у моряков и рыбаков морей и океанов.

Живет поверье, что в первый день Пасхи, из морской глубины слышатся голоса всех погибших в водяной пучине.

Есть былина о корабле-призраке, который появляется, каждый раз перед обреченным к гибели судном...

Живо до последних дней поверье, что в декабре месяце, каждого года, с острова Березань слышатся винтовочные залпы. Дата эта — расстрел лейтенанта Шмитта, поднявшего восстание на Черноморье в 1905 г. и похороненным после казни, на этом острове...

Хижинны эти окружал старый замок, сооруженный еще генуэзцами и простоявший уже более тысячелетия, который был построен на развалинах языческого храма Эскулапа Пантикапейского.

Это была, не то деревня, не то аул, в несколько сот хижин принадлежавших рыбакам-грекам.

Хотя советские флотские новобранцы проходили глубокую политическую обработку и политбеседы заменяли им церковную службу и, вообще религию, первогодники, да и старые матросы в душе не теряли Бога и к рассказам старших товарищей относились доверчиво. Особенно внимательно они слушали о лейтенанте Шмитте, память о котором не заглохла и в глухих деревушках России.

В то время, как одни первогодники слушали морские поверья, а другие веселились на баке судна в песнях и прибаутках, один из новоприбывших матросов приписанный к кораблю, взамен арестованных товарищей в Новороссийске, никакого участия ни в плясках, ни в песнях не принимал и сторонился от всей массы. Было видно, что на его душе тяготело какое то горе, не оставлявшее его ни на минуту в покое.

Этого парня я заметил еще в гавани Новороссийска, во подойти к нему, расспросить, за службой не было времени.

Не видя и здесь в нем никакой перемены и замечая, что он с каждым днем худел и становился еще более молчаливым и нелюдимым, я решил, что он чем то болен и доложил о нем новому командиру корабля М. Орлову.

Тот, выслушав меня внимательно, приказал судовому фельдшеру освидетельствовать матроса и доложить лично ему.

Медицинский осмотр Боброва, как звали моего „больного“, ничего плохого в его организме не обнаружил и фельдшер рапортом командиру корабля донес, что здоровье его прекрасное и к морской службе он вполне пригоден.

Однажды, проходя мимо Боброва (сам он был уроженец Сибири), я заметил, что на мое приближение он не обращает никакого внимания, а взор его был устремлен далеко, в морскую даль. Он, словно в этой дали искал для себя защиту.

Мне стало понятно тогда его настроение. Бобров действительно был болен, но болен не физически, а душевно и, когда пробили склянку ко сну, я просил расходившихся по своим каютам вахтенных, не оставлять сибиряка одного на палубе. „Таинственность моря и тайны моряков, также бывают бесформенные, глухие”

Черноморцы — народ отзывчивый к чужому горю. Штормяные дни научили их держаться друг за друга, так и тут, пятеро старослуживцев тотчас-же подсели к Боброву и участливо начали допытываться — что с ним?

Матросское участие нашло отклик в душе новоприбывшего и он рассказал им о своем горе, которое постигло его еще в Северной базе Мурманска. Поведал он своим друзьям по морской службе, о смерти жены-друга, в далекой сибирской деревушке... рассказывал моряк о проклятой жизни в колхозе, работа в котором, от зари до зари, сломила его жену, вогнав в чахотку... об оставшихся детях сиротах.

Молча слушали моряки его повествование и у каждого невольно сжалось сердце. Каждый из них вспомнил свою родную хату, своих родных... свою беспросветную жизнь на советской каторге.

Уже и ночь сменила вечер, и тьма покрыла палубу, под ветровыми порывами волны забурлили и бросались к бортам корабля, но матросы по каютам не расходились, слушали Боброва и переживая вместе с ним его горе, думали про себя.

Рассказал Бобров и о том, что на все его просьбы командование не отпустило домой, на похороны жены и что, его неоднократно вызывал к себе начальник секретной службы Мурманской базы и заверял, что жену его похоронят друзья по Ленинскому комсомолу, а все материальные заботы возьмет на себя партийная организация.

За игнорирование морских служебных инструкций, которые Бобров в своем отчаянии иногда нарушал, ему конечно не уйти было бы от ареста особых органов НКВД, но к его счастью, комиссар Коровин, которого за его беспощадность к экипажу ненавидел каждый матрос, был в это время отозван спешно самим начальником политического руля флота Гугиным, еще за день до выхода „Безымянного” в море, замещающий же его вновь назначенный комиссар Зверев, с первого дня своей службы, как видно не захотел обострять своих отношений с экипажем и на халатность Боброва смотря сквозь пальцы.

Это отношение заметили и моряки, стараясь хотя чемнибудь помочь Боброву. Но чем? Единственно, что они могли сделать, это не оставлять его наедине с самим собой, поскольку каждый чувствовал, что Бобров в такую минуту может решиться на самоубийство, если ему и здесь, на Черном море, командование откажет в отпуске на могилу жены.

Да и что, в конце концов, могло сделать командование эсминца или даже всем флотом, когда в условиях советской действительности решить даже такого вопроса, как обыкновенный отпуск военнослужащего по случаю смерти жены.

Нашлись все-же на корабле такие матросы, которые сумели разубедить Боброва и доказать ему бессцельность его намерения уйти добровольно из жизни.

— Каждый из нас перенес не мало в жизни — говорил Боброву один из моряков — и если каждый бросался бы в пучину или вешался, чтобы оно получилось? Пусть наши комиссары это делают и политруки, а нам жизнь еще пригодится.

После этих бесед, Бобров как видно опомнился от своих мрачных мыслей и даже повеселел, а однажды попросил у своих собеседников прощения за свою слабохарактерность, заявив, что он понял одно — моряку надо самому себя беречь и не отдавать так дешево жизнь.

Видимо и матрос Севера понял, что пловучая крепость начинает, как и он, меняться. Она на его глазах походила не на корабль, а на обыкновенный выступ скалы, омываемой сильными волнами.

На Черном море погода изменчива, как и вся человеческая жизнь на земле и чем сильнее начинали ударять волны о борта судна, тем веселей становилось теперь Боброву.

Эх, это море!..

Черное море!.. Кто его может понять и изведать?

Сколько в нем таится людской радости и еще больше разочарований в часы ветров у мореплавателей.

Да, действительно был прав матрос Войков, который напоминая о море душевно больному Боброву и сам невольно делался „больным”.

Он вспоминал вздыхая: — ох, эта жизнь человеческая! Да еще наша морская, она бурлит, как и сами волны; в ней есть и тоска и грусть, которые навязывают насильно морякам мечту и даже разочарование в самих московских делах. Я тоже, вот когда-то, продолжал Войков, любил одиночество, которое теперь на море мне страшно.

Это определение матроса неоспоримо и если ктонибудь из читающих испытывал такое одиночество, то тот и теперь далеко на чужбине поймет черноморских моряков и никогда не забудет своих оставленных друзей на Родине, а может быть и даже в родительском доме

«Юбка в море».

С назначением М. Орлова, командиром „Безымянного”, ему, как и мне были присвоены новые морские звания.

На пути следования в Севастополь, эсминец, делшей из Штаба, был направлен к берегам города Туапсе, где простоявши пять дней, получил вновь экстренный приказ — „немедленно оставить кавказские берега и следовать в турецкие зональные воды.”

„Безымянному”, как это говорится — повезло. Ему снова пришлось разрезать обратно килем водную пустыню. И на этот раз, корабль помимо мужского персонала имел на своем борту особу женского пола, молодую и милостивую девушку.

Случай в истории советизированного флота небывалый, чтобы Москва разрешила находиться на военном корабле женщине. „В наше время всякое бывает” — и это самое „всякое”, не исключило случайности моряку в юбке побывать на боевом корабле.

По официальной версии, девушка эта была командирована к кораблю Центральным Комитетом Ленинского Комсомола, для организации ячейки ВЛКСМ в походе судна.

По догадкам самого экипажа, не исключалась возможность, что наша красавица являлась просто агентом Особой Службы, для наблюдения за настроением матросов.

Но так или иначе, факт был на лицо, эсминец обогатился еще одним матросом в юбке, признак по суеверью моряков — не хороший. Баба на военном корабле как и кошка, могут принести судну несчастье.

Оставляя прибрежные воды Кавказа, здесь далеко на Юге, мысли мои постоянно переносились к сердитому глубокому озеру Байкал, к рекам: Ангаре, Шилке, Зее и любимому родному Амуру. На нем я и вырос.

События последних дней: случай с „Охотником” наскочившим на мину, которую НКВД отнесло за счет диверсионного акта несуществующих врагов народа; гибель парашютистов во время маневров; бессердечность командования, главным образом политработников к черноморцам и последний рассказ Боброва о своем горе — все это в известной степени отразилось на моем сознании.

Нося на рукавах кителя советские позолоченные голуны и звезды, я невольно, все чаще и чаще начинал убеж-

даться в их давно утраченном символе — свободы и справедливости Советской власти, при которой, не только гражданское население было бесправно, но бесправны были и военнослужащие, те, на которых держалась вся мощь и держится по сей день государство.

В один из таких дней, когда мысли особенно меня мучили, ко мне подошел судовой товарищ Василий Ефремович.

По всей вероятности он следил за мной, как и я следил раньше за своим земляком Бобровым.

Будучи, как видно от природы, большим весельчаком и балагуром, любимцем за свой нрав всего экипажа, Василий видя мое мрачное настроение, сначала видно решил разогнать его шутками, потом, видя, что и мое лицо прояснилось заговорил серьезно:

— „Вы сами знаете, хуже моих дел на эсминце никто не имел. Я, ведь, на волоске был от разжалования за дела списанных в Новороссийске матросов. Надо мной, как ни над кем висел меч НКВД, я все-же крепился духом, зная заранее, что с приходом на корабль товарища Орлова, вы с ним меня защитите...”

С Василием я был знаком еще по судостроительному Техникуму, с тех пор мы с ним дружили, поэтому я не удивился его откровенности со мной и слушал его со вниманием.

— Верьте мне, — продолжал младший лейтенант. — Былое наших отцов и братьев, вечно живет здесь. Их подвиги неразрывно связаны с именами адмиралов Лазарева, Корнилова, Истомина и Нахимова. Поэтому, только мы должны с вами и нам суждено преодолевать все тер-

нистые пути советского моряка... Не перебивайте меня... Я вижу ваше настроение. Оно такое же и у меня и у других наших товарищей по кораблю... Наше Черное море принадлежит не Советской власти, а матушке России и настанет день, когда черноморцы, вместе со всем народом, станут вольными людьми...

Как я не относился дружелюбно к Василию, но все же, его откровенность меня начала тревожить. Я постарался незаметно перевести разговор на другую тему. Василий как видно сам заметил, что его откровенность перешла границы, поскольку дружба — дружбой, но на корабле я все-же был для него старшим офицером и сразу переменял разговор на новоявленную гостью на нашем эсминце:

— Наш брат, моряк, — начал он, — народ храбрый, никого и ничего он не боится., без всякой трусости преодолевает и все беды в морских штормах, а вот как увидит бабу, так сразу и становится другим человеком, немощным... словно его кто подменил...

Моряки, продолжал Василий, с одной стороны прямо храбрецы, а вот с другой стороны, как увидят женщин, так и говори пропали в своей немощности, как мальчишки, как самая настоящая древесная смола, при одном только прикосновении огня, тут же свечей тает.

Вот что товарищ капитан-лейтенант, я и сам не знаю почему и на меня за последнее время начала находить буйность, когда стал видеть у самого своего носа серенькую „любку”.

Верить, конечно им нельзя а поухаживать можно попробовать, хотя они все на один покрой внешне похожи. Такие красотки только и ищут, у кого из морячков

побольше в кармане имеется денег, а как выудят, то и досвидания морячек, на берегу другой есть дурачек.

Ведь мало же того, что эти самые юбки на берегу нас изводят до худобы и не дают покоя, за которых комендантский патруль на гауптвахту приглашает.

Не будет ли на эсминце и комиссар нас наказывать за появившуюся „Греческую принцессу зла“?

Я знал раньше своего собеседника о девушке, но не знал причину такого негодования к ней моего судового друга.

— К чему, ты разговор-то этот ведешь — спросил я.

— К тому, — продолжал Василий, — что не просто появилась у нас юбка на эсминце. Вот, увидите, что не просто Москва прикомандировала эту красавицу на наш корабль, на котором совсем недавно работники НКВД вели следствие о дезертирстве... перед такой павой у нашего моряка рассудок расплавится и он начнет выбалтывать, что не надо...

Слова Василя запали мне в душу. Кто знает, вполне возможно, что она является действительным агентом самого начальника контр-разведывательной службы Каранадзе или личным резидентом осведомительной сети „двуглазого“, как называли Берия, который нередко присылает свою агентуру, под видом служебных инспекторов, во флот. Этот чекист ни одному командующему не верит, не только морякам.

* * *

Поверье матросское, что женщина на корабле, да еще в открытом море — приносит несчастье, началось на эсминце сбываться.

Первой жертвой матроса в юбке стал, к большому удивлению всего экипажа, ярый ненавистник женского пола Василий и к тому же мой друг.

При встрече с комсомолкой он сразу терялся, краснел и терял свой дар речи.

Хотя я неоднократно и журил Василия за переменчивость в его характере и предупреждал, что если комиссар заметит его увлечение, то ему не поздоровится, все-же видел, что мои увещевания не помогают и, что „юбка“ основательно вскружила голову моему другу, который бросил якорь возле нее надолго.

Да видно было, что не одному Василию вскружила голову наша корабельная гостья.

Бросал на нее молниеносные взгляды и сам комиссар Зверев, с охотой сопровождая ее по эсминцу и знакомя с малозначащими деталями военного корабля.

Не пропускал случая, чтобы встретиться с ней и заговорить, капитан третьего ранга — Жук.

Старшина же сверхсрочник, машинист Левченко, под жгучими взглядами Жени, имя которое носила комсомолка, забывал, что у него, в далекой Белорусской республике, имеется жена и сын.

С Женей Левченко встречался чаще всех, показывая ей по распоряжению комиссара весь организм военного корабля.

Стремление у каждого — побыть наедине с девушкой, опережало у всех четверых обязанность по службе, которой они начинали иногда и манкировать. В свободные же часы, гонялись за ней по трапам и встречаясь, бросали друг на друга злобные взгляды.

Дальше всех, в своем любовном порыве, зашел Василий. Он начал угрожать комсомолке, что если она не ответит на его любовь, то он покончит с собой.

Последнее обстоятельство вынудило меня доложить о Василии капитану эсминца Орлову, поскольку я видел сам, что увлечение для моего друга может кончиться трагически.

Внимательно выслушав меня, капитан немедленно на Василия наложил арест, без права выхода из технического кубрика.

Наложив дисциплинарное наказание на Василия, Орлов наложил арест и на машиниста Левченко, за игнорирование своими служебными обязанностями. Комиссар же Зверев, со своей стороны, возможно по причине своих чувств ревности, наказал Левченко более сурово, занеся в его личное дело параграф „об антиморальном разложении“ экипажа и систематическом опаздывании на вахту.

*
*
*

Девушка действительно была внешне красивое „деревцо“. Молодая, к тому же стройная в самой своей основе.

Выбывшие, не по своей вине, из „строя“ Василий и Левченко, этим самым расчистили путь для капитана Жук в его „обработке“ девушки.

Не имея соперников, Жук продолжал усиленно за ней ухаживать, не оставляя без внимания ни одного ее желания. Отстал и сам пристарелый комиссар Зверев, как видно решив, что и сам через эту „юбку“, сможет получить в своем личном деле, неожиданный для себя сюрприз.

Сама же виновница всех этих событий, продолжала очаровывать экипаж своей молодостью, простотой в обращении, „инспектируя“ под руководством капитана Жук эсmineц, не брезгуя даже смрадной кочегаркой судна и посещая часто среду вахтенных матросов.

Однажды, находясь в кочегарке вместе с капитаном Жук, девушка от жары и пыли потеряла сознание.

Увидя в таком положении „инспекторшу“, вахтенный кочегар громко рассмеялся, сопровождая свой смех бранью, от которой на суше, стены домов краснели.

Придя в себя и придерживаясь за рукав кителя Жук, девушка присела на пыльный выступ трюма, рядом с ворохом угля.

Кочегар-же Павел, выходец из города Одессы, подбрасывая в топку уголь, продолжал смеяться и пылить едким шлаком. Когда же эсmineц от качки становился на крен, заставляя девушку невольно вскрикивать, он начал острить, подпевая свою любимую песенку „Подруга“ и как видно, рисуясь перед Женей, своей разудалостью.

Смотря чаще на моряка в серенькой юбке, чем на топку и зубоскаля, Павел не заметил, что я сменил капитана, которого вызвал к себе Орлов.

Заметив мое появление девушка повеселела и даже начала улыбаться в ответ на смех и песню Одессита.

Он в этот момент открыл колосники топок, девушка же находилась рядом с массивными паровыми котлами.

Огромное пламя вырвалось из раскаленных жерл и ослепило ее. Она вскрикнула и бросилась из трюма наверх.

Сначала я хотел было наказать матроса за самодурство, но передумал и только выругал его за шутки, которые не подходили в его часы вахты.

На кочегара мое предупреждение не подействовало и он еще громче стал смеяться вслед „инспекторше“, сопровождая свой смех бранью.

Шумное поведение кочегара, привлекло внимание матросов находившихся за отсеком кочегарки и они не преминули разнести по кораблю молву, что „Павлик одержал победу над неприступной комсомолкой“.

Узнавши об этой истории капитан Жук, вызвав к себе кочегара, потребовал от него объяснения. Он упрекнул его в нетактичности к девушке и пригрозил строгим взысканием, но поскольку произошло все это в мое дежурство, то дать дальнейший ход делу он был бессилён. Это мог сделать только командир корабля Орлов.

Вызов и разнос кочегара капитаном Жуком, обозлило матросов и они начали игнорировать исходящие от него распоряжения. Мне же старались доказать, что Павел ничего безрассудного не сделал по отношению „любвицы“ Жука и, что жалеют они только об одном, что кочегар не умел по настоящему отшить незваную гостью от инспектирования боевого экипажа русского корабля.

Матросы в своей массе были уверены, что комсомолка появилась среди них не просто и прислана не как инспекторша корабля, а как сексот по проверке настроения всего экипажа.

— Ее цель, — говорили мои сослуживцы, — не помогать молодым морякам вступать в Ленинский Комсомол, а искать среди черноморцев недовольных на социалистическую службу и заглядывать каждому в душу, перевер-

нуть эту душу, а после отдать ее на расправу чекистам.

— Жалко одного, — сказал Павел, — я упустил из виду один момент и не показал ей инвентаря кочегаров, если бы инспекторша проверила, то наверняка, я без комсомольского билета, был бы причислен к стахановскому движению по сохранению социалистической собственности.

Одессит своих настроений к власти не скрывал и часто откровенничал со своими товарищами.

Почему матросов так страшно влекло к юбке, я не буду останавливаться. Наверное и сами читающие могут себе ответить, если найдутся, которые хоть немного знают морскую обособленность в военноморском флоте Советского Союза.

В противоположность же всему этому, механизмы корабля с неистощимой энергией работали, как часы и их тяжеловесные агрегаты обливались то и дело дождевой пеленой масляных брызг смазки.

На их могущественных, но в то же время прозрачных частях стали и меди, блестел звездным сиянием трюмный свет электричества, а под огромным давлением шатунов, как бы опережая друг-друга, подымались и опускались тяжелые головы мотылей, вращавших величавый, но послушный морякам коленчатый вал механизмов.*)

Но и здесь донощик оказался на лицо. Он донес о разглаговольствовании кочегара и об этом стало известно комиссару Звереву. Последний арестовал Павла и в со-

*) Только испытавший сам глубокое пристрастие к чему либо, может понять беду другого, ибо между такими людьми есть прямое родство в понимании.

проводительной работникам особого органа дал свое заключение — „списать с эсминца „Безымянный” матроса Павла Горленко, как одного из зачинщиков минувшего дезертирства в Новороссийске”. (Конечно ложное).

Но красному комиссару не посчастливилось изолировать в концлагеря матроса, так как в скором времени началась вторая мировая война, которая списала в архив и донесения комиссара и все по его делу материалы НКВД — чудеса рабского государства.

* * *

Комсомолка Женя, не справившись со своей ролью „инспекторши” и организатора комсомола, под давлением политического шефа флота, все же осталась на эсминце, но уже на этот раз, в роли рядового-радииста.

Перемена в ее работе заметно отразилась на всем ее поведении на корабле. Она уже не кокетничала с офицерами, а с матросами искала сближения на товарищеских началах.

И чем больше она вращалась среди них, тем больше она начала разбираться в советской системе и задумываться о своей роли в комсомоле, давши присягу ЦК(а) ВЛКСМ на свою командировку в Черноморский военный флот.

Ночные вахтенные часы изнурили ее как радистку и она уже искала только одного: сна и покоя.

Заметив большую перемену в девушке, оставили ее в покое и матросы. Только один капитан Жук продолжал служить ей верным рыцарем и Женя, видя его пре-

данность, в своем одиночестве на корабле, приняла его защиту, как и его любовь.

Здесь, на военном корабле она многому научилась и поняла, что моряки, года жизни проводящие в морской недоброй стихии, не молодежь фабрично-заводских клубов, где можно легко агитировать и даже, при случае, прикрикнуть. Здесь надо держать ухо остро.

Порученное ей задание начало ее тяготить, но зная строгость и беспощадность своих политических начальников к рядовым членам, которые за незначительные промахи не то, что лишали комсомольского билета, но доводили дело и до тройки НКВД, Женя старалась выполнить какнибудь поручение.

Эсминец не торопился в этом своем рейсе, в полном одиночестве от остальной эскадры и под сильным морским туманом рассекал волны совсем не к берегам Советского Союза, а удаляясь все дальше и дальше от них.

Так он вошел в зональные воды Турции.

Командование корабля выполняло приказ вождя народов в точности:

„Тревожить малочисленный пограничный флот морского „соседа”.*)

*) Пограничные турецкие отряды в те годы, как никогда раньше, были в страхе. Они как правило делали вид, что не замечают корабли под флагами красного империализма Москвы.

СТАЛИН И ГИТЛЕР ПРОБУЮТ СВОИ
ВОЕННЫЕ ЗНАНИЯ НА ЗЕМЛЯХ
РОССИИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1941 год, вошел в историческую дату России, как вошли на вечные времена и годы 1238 и 1812-й.

21-го июня этого года, вся страна всколыхнулась от тревожных гудков на заводах и фабриках, от позывных сигналов кораблей Черноморского и Балтийского флота, от сирен команд ПВХО.

В этот летний день июньской ночи, на территорию России вторглась немецкая бронированная армия, застав Советское правительство врасплох.

Триумфальный марш гитлеровских полчищ, через советские Западные границы, открыл перед Российским народом правду, о неподготовленности военного командования к современной оборонительной войне.

Народ России увидел и ложь своих Кремлевских вождей, заверявших всегда о непобедимости СССР.

В те времена, бывший Нарком Обороны К. Ворошилов по радио оповещал страну, что „в случае нападения капиталистов на миролюбный Советский Союз, они будут биты на своих собственных землях”.

21 июня 1941 года заверение Ворошилова не сбылись, не сбылись и слова вождя, что „врага советские воины забрасают буденовками”.

Как некогда татарская орда Батыея затопила всю Русь, так теперь бронированный кулак фашистских вандалов опустился на нашу землю.

Не на Советский Союз, а на Россию, на ее народы, которые новый Батый 20-го века решил закабалить под своим владычеством.

На Россию, попавшей вновь в огонь сплошного пожара, а ее многонациональные народы под уничтожение коммунизма и нацизма, поскольку, только благодаря тирании коммунистических вождей, бездарности военного командования под руководством самозванного стратега Сталина — путь в Россию стал свободен для Гитлера.

В эти страшные дни испытаний и народного страдания, которые никогда не изгладятся из памяти российских людей, „вожди” мирового пролетариата показали все свое лицемерие, всю ложь своей коммунистической тоталитарной системы.

Никто, ни из мирных жителей, ни из участников войны не забудет даты 21 июня 1941 года, когда все рупоры радиовещательных станций красной Москвы завопили о внезапности войны с фашизмом и что „Гитлеровская нацистская Германия втянула миролюбивый Советский Союз во вторую мировую бойню...” —

Тогдашний министр иностранных дел В. Молотов, меняя окраску лица, произнес призывную речь о защите не Советского Союза, как такового, а национальной России и начал просить помощи не у Сталинской партии, а у своих поработанных народов, не поясняя даже причин гитлеровского нападения на своего вчерашнего „союзника” СССР.

Повторяя за каждым своим словом о необходимости национальной защиты страны, России Александра Нев-

ского, Суворова, Кутузова и спасти Родину от нашествия Гитлера, как и в минувшие времена славных русских богатырей, Молотов, словно забыл, что совсем недавно, за одни только портреты, висевшие в квартирах российских граждан, этих прежних полководцев, советская власть карала вплоть до отправки в лагеря дальнего следования.

В эти грозные для нашей Родины часы, Кремлевские постояльцы настолько растерялись и испугались, что начали призывать народ к тем святыням, которые они уничтожили за время своего владычества.

Сам же отец народов, на красной площади, призывал „братьев и сестер” забыть все обиды и стать грудью на защиту отечества.

И тогда, в дни, когда решалась судьба всей России, Сталин и его сподручные думали не о стране, не о ее народе, а только о своей власти.

Как бы спасти эту проклятую Богом и людьми — власть.

* * *

Под напором мощных бронетанковых фашистских полчищ, советские вооруженные силы молниеносно отошли от государственных границ.

Одни части, не выдержали этого натиска.

Другие — поверив гитлеровской пропаганде — видели в немцах спасение от коммунизма.

Третьи — не захотели вообще защищать свое рабство.

За очень короткий срок, немцы оккупировали беспрепятственно Украину, Белоруссию и часть центральных областей страны. Сталинская же пропаганда, привыкшая все время топтаться в кремлевском вранье, не желая признать перед народом слабость красной армии, уполномочивала комиссаров успокаивать жителей „мудростью вождя“, который не позволит врагу топтать социалистические земли колхозов и совхозов.

Дни и ночи громкоговорители разносили по стране ложь о ходе военных действий на многотысячном фронте с гитлеровскими дивизиями, уничтоженных вражеских дивизиях и полках, о немецких пленниках, об отбитых назад городах. Слуги „Вождя“, то и дело повторяли призывные речи „отца и мудреца Сталина“; что страна в каком-то временном мобилизационном периоде.

Шум и ложная трескотня растерянного красного командования, позднее дорого обошлись не только воинам России и мирным жителям, но и Заокеанскому миру, как временному „союзнику“ кремлевской диктатуры.

ЦК Коммунистической партии и правительство, боялось тогда говорить языком правды и свою бездарность и нераспорядительность в обороне страны перекладывали на плечи мнимых предателей и изменников, которые, якобы, без боя отдавали советские рубежи немцам.

Дикторы Комитета обороны повторяли успокивающие призывы Сталина о том, что страна находится во временном мобилизационном периоде, что Германия с покон века недружелюбное государство к русским, что гитлеровский новый „Райх“ вероломно напал на СССР и вторгся в пограничные районы, чем нарушил миролюбие советского правительства и, что Россия сегодня на-

ходится в стадии оборонительной войны с Европейским националистическим фашизмом, но не с капитализмом, так как последний советскому государству пока не угрожает.

Мировой капитализм, о котором твердило советское правительство почти все годы своего владычества и в окружении которого СССР находился, на этот раз не упоминался.

Кремль тогда начинал заигрывать с Америкой и Англией, с целью заручиться их технической и материальной помощью.

Для спасения „коммунизма“, ЦК партии мобилизовало самый большой в мире корпус пропагандистов из числа политработников райкомов, горкомов, обкомов и крайкомов, который не переставая должен был повторять сталинские призывы: Вождь требует „чтобы все живое и мертвое, движимое и недвижимое мобилизовалось для фронта, чтобы все как один, от малого до великого взяли оружие, даже инвалиды и женщины, если не в силах воевать на фронте, то пусть заменяют боеспособных в тылу у станка и плуга“.

В заключение таких призывов, как правило, следовали слова: „Да здравствует мудрый и любимый отец народов товарищ Сталин. Смерть фашистскому захватчику, с нами вождь, мы победим“.

Эта призывная волна не утихала по всем тыловым и боевым дорогам. Советское радио старалось, больше чем сами речи политработников, отвлечь народы России от главного зла — коммунизма...

Этой лжи способствовала и агрессивная политика Адольфа Гитлера, который своим расизмом, пренебрежением к русскому населению, зверствами над военнопленными и разбоем над мирным населением, в конце-концов, заставил народы России все чаще братья за оружие и уходить в леса на партизанщину, а воинов советской армии крепче держать в руках винтовку против непрощенных захватчиков их земли.

* * *

Вожди Ленинской гвардии, с первых же дней своего прихода к власти, готовили свои вооруженные силы к войне с капиталистическим миром, для последнего решительного боя. И через 24-х летнее свое владычество, все еще не были готовы.

Советская власть, в первые же месяцы немецкого вторжения, отдала без боя большую часть Российской территории, оставив ее население на произвол гитлеровского разбоя и голод, так как во всех городах части НКВД и политработники неукоснительно исполняли приказ Сталина: „Сжигать и не оставлять врагу ничего“.

И свои отечественные красные фашисты уничтожали и сжигали: фабрики, заводы, пекарни, склады, аптеки, магазины, госпитали, мельницы элеваторы вместе с миллионами пудов запаса муки и зерна — обрекая население на вымирание.

Советские армии, под неприятельским нажимом, оказались малосильными к сопротивлению и гибли под сплошным ураганным огнем немцев и попадали в плен.

Военные трофеи фашистов, в первые месяцы войны, для России были ужасны. Несколько миллионов пленных солдат и командиров; тысячи сбитых и захваченных самолетов, сотни тысяч бронемашин, артиллерии, неисчислимое количество пулеметов, винтовок и иного снаряжения.

Единственный боевой участок, 1941-42 гг., на котором гитлеровцы обожгли себе руки, был военно-морской флот на Черном море.

Морские, как и наземные войска тогда, не находились в боевой готовности. Эскадры Черноморского флота, в час начала войны были по приказу Верховного командования в открытом море, все еще в так называемом „учебном походе у берегов дрожащей Турции“.

И все-же, несмотря на свою разбросанность, морские силы, с первых же дней немецкого нападения, быстро переключились с мирных учений на боевые действия без особых затруднений.

Морская служба не наземная. Там царила своя строгая традиционная дисциплина. Там, матросы выпестовывались не по учебникам „истории партии ВКПб“, а по заветам легендарных Нахимовцев, Цусимского боя, а позже защитников восставшего Кронштадта. Там не распевались гимны о „мудром и любимом Сталине“, а с палубы кораблей волны морские разносили песню иную:

— „На верх вы, товарищи, все по местам...
Последний парад наступает!...
Врагу не сдастся наш храбрый „Варяг“...
Пощады никто не желает!...“

С этой песней Черноморцы защищали подступы к Одессе, Севастополю, весь Крымско-Кавказский район от вражеского воздушного десанта.

Моряки в плен сдаваться не умели.

Гитлеровское командование предугадало и использовало растерянность верховной ставки Красной Армии, которую взялся возглавлять не компетентный в делах армии человек Сталин.

Моторозированные вражеские корпуса молниеносно докатились до Крымского полуострова и начали сходу форсировать заболоченные местности Сиваша.

Красное командование не учло одного, что идущие фашистские железные полки, это не „белогвардейская“ конница несущаяся на врага с саблей в руке, а сплошная стальная машина, перед которой живая людская сила устоять не в силах хотя бы и хотела.

Советская защита пролива ведущего в Сиваш, даже не была занесена топографами на карту и была легко уязвима наступающим противником, который маршем обошел оголенные подходы прямо через Чонгарский мост.

Затея Гитлера, в самый короткий срок занять весь Крымский полуостров, как будто бы осуществлялась...

Нацистский генерал Манштейн, возглавлявший поход на Крым, заверил своего фюрера, что основные сухопутные силы Юга — Буденного и Мехлиса разбиты и, что поэтому, корабли Черноморского флота, без помощи наземных войск, не в состоянии будут защищать ни Керчь, ни Севастополь.

Сталин, видя слабость обороны по всему фронту, назначил командующим Юга, малоизвестного генерала Козлова и во всеуслышание предупредил:

„Если Крым не удержите, считаю всех изменниками“.

Но и после этого приказа, советские полки отступившие в рукав Перекопа, не могли дальше удерживатьседающего на них врага. Советские дивизии не имели ни достаточного количества танков, ни боеприпасов, не говоря уже о самолетах... они были просто передавлены бронемашинами немцев на высохших болотах Сиваша.*)

Сивашская бойня, в которой под гусеничными танками фашистов погибли тысячи, почти безоружных воинов России, еще один счет, который будет предъявлен Кремлевским властителям и я на нем не останавливаюсь.

Город Керчь со своим историческим „Митридатом“, как и весь Крым, так-же оказался легкой добычей завоевателей.

Но сама крепость Черноморского флота осталась верушима, хотя и имела вид одинокого воина-обороны.

Не ожидавший ни откуда и ни от кого помощи, Севастополь принял на себя всю тяжесть от наступающих вражеских войск и вместе с населением начал отчаянное сопротивление немцам.

Бои за овладение крепостью возрастали с каждым часом. Неприятель пустил в ход все средства своей пер-

*) Керчь со своим Митридатом, далеких дней 6-го царя Понта в 132-63-х гг., до н. э., был завоеван им, как и сам Херсонес Таврический (Крым).

воклассной техники, чтобы опрокинуть в море гарнизон, но просчитался.

Перед ними стояли не солдаты в серых шинелях, а моряки нахимовцы в черных бушлатах, готовые до одного умереть за свой родной город.

Они, не страшась, что немецкое командование бросило на крепость свои лучшие людские и технические резервы, приняли осадное положение с моря, с суши и воздуха.

Сама же история обошла черноморцев, уделив их героике небольшую страничку во второй мировой войне.

В этой страничке не указаны даже кровавые пути моряков пройденные по Инкерману, Сапун Горе, по долине Черной речки, по Федюхиным высотам и по многим другим предместьям, осажденного Севастополя.

Неравная борьба с врагом началась вопреки стратегии верховного главнокомандующего Сталина, который не надеясь на Севастопольский гарнизон, оставил его без каких либо людских резервов.

Но сплоченность черноморцев показала, что никто другой как именно они, в 1942 году, в лютую зиму и к тому же голодную, дали понять всему миру, что для взбесившихся гитлеровцев под самыми стенами Севастополя, нашлась смирительная рубашка.

Генерал Манштейн, как и сам Гитлер, только тогда, когда столкнулись с упорством черноморских моряков, начали осознавать свою ошибку относительно воинственности российских патриотов и то, что им придется не мало времени топтаться у стен крепости и, что эта кре-

пость неприступна как со стороны суши, так и со стороны моря.

Но, как бы штаб немецкого южного направления не убеждал своего фюрера, что в военной стратегии есть слово „взять невозможно”, Гитлер строжайше предписал военному командованию крымской группы, немедленно вызвать резервы и покончить с русским сопротивлением в Крыму.

В ответ на этот приказ, к Севастополю были брошены все имевшиеся у командования технические средства и даже ЭС-ЭС части Гитлера, стоявшие наготове к походу на Москву.

Резервы врага усилили давление на крепость, но не решили фюреру скорую победу над осажденным гарнизоном, воины которого все больше сковывали вокруг города неприятельские дивизии.

Как не мечтали немцы, занять с марша Севастополь, хотя им и удалось подойти вплотную к крепости, но войти в город не посчастливилось.

Гитлеровские оккупанты жестоко просчитались в боеспособности Черноморского гарнизона, неся неисчислимые потери как в людях, так и в своей хваленной технике.

Моряки гранитной скалой стояли перед врагом и защищали свою твердыню, как некогда защищали ее их деды и прадеды во времена Англо-Французской интервенции.

* * *

*

В решающие дни — быть или не быть флоту хозяином на Черном море, верховная ставка Советских во-

оруженных сил, под нажимом Сталина, дала приказ командующему флотом, безоговорочно списать многочисленное количество кадровых матросов на сушу, а также старшин и офицеров, заменив их приписниками призванных из третьей категории тылового обучения.

Штаб флота не мог не подчиниться строгому повелению исходившему от самого Сталина и, против своей воли, списал с кораблей требуемое число моряков, которые тут же сменили свои черные бушлаты на серые шинели, а безкозырки на армейские пилотки-буденовки.

Теперь, эта „черная” масса должна была влиться в дивизионы, роты и батальоны всех родов войск, какие только были по дислокации осажденного гарнизона.

Сухопутные подразделения пополнившиеся моряками, должны были называться „морской пехотой”, влившись в приморскую армию генерала Петрова.

Нелегко было матросам привыкать к уставу пехотной службы. Большинство из числа списанных даже не знали элементарных правил наземного устава, не говоря уже о знании ведения огня на земле. Все это вначале создавало недоразумение с пехотными командирами... Некоторые же моряки видя несправедливости от пехотных командиров, попросту не хотели выполнять их команду.

Но и эта несовместность службы моря с сушей, скоро была забыта и черноморцы показали свою силу и в наземных частях.

Незадачливая сталинская перегруппировка гарнизона, давала плюс не обороняющим, а осаждающим.

Немцы сужали фронт под Севастополем и их огонь решетил пригородные укрепления и морские гавани города.

Только по этим причинам, кораблям пришлось покинуть бухту и уйти в море.

Надводным и подводным боевым единицам приходилось в тяжелых условиях маневрировать у берегов Крыма, занятых оккупантами, так как к этому времени в небесах начал беспрепятственно хозяйничать Гитлеровский воздушный флот.

Но русское мужество и стойкость не покидали гарнизон защищавший крепость, он не давал врагу овладеть тем, что было дорого как святыня для всей России.

До сих пор матросы привыкли иметь дело только с пушками всех калибров, да и то на море.

В силу штыкового боя они не верили, но когда сами взялись за винтовку, они поняли, почему штыковую атаку воинов России не выдерживали ни турки, ни австрийцы, ни японцы, ни немцы в первую мировую войну.

Этим штыком черноморцам пришлось неоднократно удерживать осаждаемые неприятелем места под Инкерманом, Федюхиной и Рудольфовой высотами, Сапун-Горы и другими подступами к городу.

И не даром вражеское командование, с первых же дней своего штурма Севастополя, приравнило моряков к категории самых злейших врагов Гитлеровской „Новой Европы”.

Геббельские же пропагандисты не называли иначе черноморцев, как „племя азиатов в черной одежде”. Моряки искусно дрались не только на море, но и на суше,

их было очень мало, они умирали без всякого страха за честь России.

Точность залпов с судов и меткий удар штыком на суше этих „азиатов”, враги России будут помнить всегда.

Наземные пригородные укрепления для черноморцев становились родными кораблями: верхние перекрытия — палубами, брустверы — бортами, сама крепость казалась морякам не стоящей на месте, а маневрирующей.

Отряды, дивизионы и бригады морской пехоты, не смотря на свою малочисленность, под прикрытием судовых артиллерийских залпов, теснили от города эсэсовские соединения и не только очищали предместные места от вражеских полчищ, но в горячих схватках вновь занимали, упущенные пехотинцами естественные позиции Мекензиновых гор.

Однако, усиленные навесные артиллерийские снаряды и бомбардировка с воздуха, заставляли защитников отходить обратно, оставляя метр за метром то, что было добыто большими жертвами.

Были моменты, когда не хватало, ни тех ни других специалистов и тогда черноморцы сами выполняли любые инженерные работы, особенно саперные. Они без страха закладывали мины и контр-мины. Этим смельчаков можно было видеть в самых опасных местах.

Черноморцы помнили приказы не современного полководца, а простые слова бессмертного Адмирала НАХИМОВА, „мне ли говорить вам о ваших подвигах в защите родного нам города и флота”.

Черноморцы знали и правило великого русского полководца Суворова, „смелая помощь не всегда была приписана только начальству”.

* * *

Прощупав со всех сторон силу обороняющихся, гитлеровское командование применило к городу свой старый варварский метод — забросать его бомбами.

В один из дней, крымская земля содрогнулась от взрывов бомб; горизонт заволочло на долгое время сплошным дымом, над городом нависла удушливая гарь.

Под непрерывным ураганным обстрелом и бомбардировкой, гарнизон крепости начал заметно таять. Огонь его уменьшался.

Между подразделениями обрывалась боевая связь, а отдельные специальные роты, в силу нехватки боеприпасов и главное минометов, эсэсовцами отрезались на долгие часы...

Было видно, что генерал Манштейн хорошо понял, к чему может привести разрозненность приморской армии и начал дробить обороняющихся, где только это было возможно, стараясь как можно больше вбить подвижных клиньев в позиции обороны.

Людские резервы таяли на глазах. Защитники несли колоссальные потери, а пополнение, так называемая тогда „Большая земля”, не присылала.

Неприятель теснил истекавших кровью и выбившихся из сил черноморцев, день и ночь отбивавшихся отседающего врага и брал их траншеи.

Гитлеровцы видели ясно, что моряки отдадут последние силы, а Москва замены им не присылает.

В своем стремлении, как можно скорее колонизировать Крымский полуостров и освободить стоявшие у стен Севастополя многочисленные дивизии, чтобы перебросить их к Московским подступам, где фашистские позиции также трещали под ударами русских воинов, находившихся под командованием опытного генерала **Андрея Андреевича Власова**. Гитлер здесь, на Севастопольском участке, не жалел ни своих людей, ни снаряжения, дав приказ громить город с суши, с моря и с воздуха, в надежде, что под трехсторонним нажимом черноморцы скоро покорятся всемогущей немецкой машине.

Но, в лагере обороны думали иначе.

Хотя кровавая развязка приближалась с часа на час, о сдаче на милость победителя никто и не думал.

Над Севастополем парило более ста бомбовозов, непрерывно сбрасывая тонны взрывчатого вещества.

Город — красавец, город — слава русского морского флота — превращался в груды развалин.

Нет слов, чтобы передать страшную гибель родного Севастополя. Завоевательные походы были и раньше. Но то, что делала современная техника, направленная не к мирной жизни людей, а для уничтожения их и попавшая в руки фашистского варвара Гитлера — человечество еще не видело.

Властвование Гитлера в оккупированных землях, превзошло и Татарско-Монгольское и Турецкое иго. Оно своим размахом втоптало в грязь и свело к нулю само

существование людей на плодородных землях Российского государства.

Когда-же вспоминаешь отношения к своему народу, своего же нового вождя „Новой России” — Сталина — то разницы между немецким вандалом и грузинским варваром нет никакой.

Так, когда одной ночью, наш штаб обороны, как то чудом снесся с Москвой по радио, о присылке помощи, то получил такой ответ Главкома:

„Решать судьбу города поручаю самому командиру, без всякой ожидаемой помощи от верховной ставки и требую рационы продовольствия, медикаментов и боеприпасов сократить до минимума”.

Снабжение гарнизона Севастополя и без этого приказа было урезано до пределов солдатского терпения. Воинам, наряду с врагом, приходилось бороться и с голодом.

Еще большее сокращение съестных продуктов и боеприпасов способствовало только врагу, черноморцев же ставило в безысходное положение, как бы они не крепили свои рубежи, своими телами.

Весна и женщины.

С наступлением солнечных весенних дней, Геринг потребовал от своих летчиков удвоить бомбардировку Севастополя и покончить с непокорными моряками.

Крылатые пираты не заставили себя долго ждать и забросали крепость самыми большими бомбами с не-

большой высоты, поскольку знали, что русским поражать их в воздухе нечем.

Москва, на запросы гарнизона, молчала и над городом не было ни одного самолета со стороны осажденных.

Вражеские столбы взрывов не успевали рассеиваться, они стояли сутками над городом и сменялись новыми разрывами.

Смрад разлагающихся человеческих тел, которые не убирали и не хоронили, пьянил уцелевших воинов.

Оставшееся гражданское население, не пожелавшее оставить город, теперь бежало из горящих подвалов и дворовых щелей и металось по Севастополю. Они искали укрытий, но таковых уже не было нигде и вместо убежищ, они находили смерть от гитлеровских хищников.

В марте месяце, бригада в которую входил и я, понесла в живой силе непоправимые потери и вынуждена была оставить свой оборонительный участок, отступив под самые склоны скал Балаклавы.

Но и под скалами мало было спасенья. Враг с воздуха продолжал поливать сплошным огнем и эту местность, вынудив бригаду еще больше сужать радиус своих действий, теряя связь с основными подразделениями армии Петрова, которая теснилась вражеским превосходством и частично была парализована в самом центре обороны.

В это время характер боевых действий с обеих сторон был особенно ожесточенный.

Немцы, с помощью своих резервов, сконцентрировали у стен Севастополя все имеющиеся у них резервы.

Враг, помимо своей многочисленной воздушной силы, пополнял свои артиллерийские части и огонь наземного автоматического оружия доканчивал свои преступления воздушными силами.

Немцы в одинаковой степени, громя наши позиции, поливали плавящимся металлом и пещеры пригорода, в которых укрылось мирное население.

Техническое превосходство немцев в воздухе ставило черноморцев в безвыходное положение, как бы не были крепки их нервы и воля к обороне.

Еще в сорокапятидневной осаде Одессы, немцы беспрепятственно транспортировали все необходимое снаряжение для Южных армий морским путем.

Советской авиации на этих участках фронта юга не было и сталинские „соколы” ни в защите Одессы, ни в защите Севастополя участия не принимали, за исключением двух-трех звенов морской авиации.

Немецкие истребители „Мессершмит-110”, в те дни нечем было поражать, они являлись хозяевами Крымского неба.

Эта машина в любых метеорологических условиях побеждала и „МБР”, так называемые севастопольцами „Морские коровы” и их сопровождающие истребители „ИЛ-16” „Чайки”, которые, в первые же часы осады крепости были „Мессершмитами” полностью уничтожены.

Поэтому, никто другой, как вражеская авиация решала судьбу города. Мне как непосредственному участ-

нику этих событий, невозможно по ряду причин описать всю кровавую эпопею тех дней, но будущий беспристрастный историк, когда нибудь даст будущему поколению всю картину сверхчеловеческой героики черноморских моряков, когда они горсточкой отражали полчища фашистов у стен Севастополя.

Он опишет, как голодающий гарнизон продолжал бить оккупантов, как переходил на рукопашную схватку, действуя, вместо штыка — руками, которыми душил горло врага.

* * *

Расчитанное дробление сил приморской армии дало немцам возможность, при туманности траншей, истреблять отряды. В распоряжении этих отрядов уже не было ни продовольствия, ни даже питьевой воды.

Трехсторонняя осада, отсутствие боеприпасов, голод и болезни не сломили дух моряков, они старались хотя на час, но продлить оборону города.

И все-же, несмотря на полное истощение гарнизона, немецкое командование почему то не решалось занимать город только своей военной силой.

Оно попыталось призвать истекавших кровью севастопольцев своими листовками — к добровольной сдаче.

Угрожающий тон ультиматума вызвал среди черноморцев совсем обратный отклик.

Гербельские листовки усилили дух солдат пехотинцев за продолжение борьбы с ненавистным оккупантом.

На Мекензевых возвышенностях, в силу сложившихся тяжелых оборонительных условий, а так-же участ-

ков: Бельбек Сапун горы и у подножья Итальянского кладбища, войнам пришлось вести огонь, укрываясь от бомбардировок в сооруженных катакомбах.

Вдоль балки с траверсами, командир этого специального оборонительного рубежа, категорически имел право и запретил появляться на возвышенности горных склонов.

Приказ гласил: „не допустить как в ночное, так и в дневное время просачивание в наш опустошенный тыл второй очереди немецких лазутчиков — автоматического оружия, которых и так много...“

Наземная и морская пехота теперь находилась на Мекензевых огневых рубежах и не на поверхности, а в подземных приходах склона и всякий, кто вольно или невольно нарушал приказ, тут же расстреливался на месте, как мишень врага.

Подземелья оборонительных линий становились не только последними опорными точками севастопольцев, но и готовыми братскими могилами, которые в любое время могли своим тяжелостным земляным одеялом покрыть сотни и тысячи героев защищавших до последнего своего вздоха подступы к любимому городу русской твердыни флота.

* * *

Злая судьба черноморцев и полная изоляция от всего мира их крепости, отразилась буквально на всем живом и мертвом в Севастополе.

Людской резерв и материальные возможности настолько иссякли, что никакая мудрость самого талантливого военачальника не помогла бы сдержать натиск врага, если бы морякам не помогали естественно природные укрепления города.

Черноморцы под огнем неприятеля таяли как снег под лучами весеннего солнца, но Севастополь в горах развалин, в дыму пожарниц стоял для врага неприступной твердыней.

Так обстояло дело у стен Севастополя, так оно выглядело накануне гибели гарнизона, который сложить оружие живьем отказался.

Сколько прошло дней этой поистине великой битвы за Севастополь? Который шел час? Наступала ли ночь или продолжался день, об этом никто не знал и не думал. Осажденные потеряли счет времени. Как забыли они о еде, о сне.

Закопченные от дыма, с воспаленными глазами от бессонных ночей, окровавленные, они потеряли человеческий облик и думали только об одном — бить, бить и бить заклятого врага, пока действует рука, пока бьется сердце.

Однажды с утра на осажденных словно само небо обрушилось. Гитлеровцы повидимому решили одним ударом покончить с русскими, которые даже развалины города держат в своих руках.

От бомб семифутовой длины, с ревом падавших с неба, вся земля содрогалась словно от землетресения. В воздухе стоял сплошной гул и рев от взрывов. Сила

этой бомбежки была такова, что не только разрушились картонными домиками оставшиеся здания, но и скалообразные штольни, какими был богат Севастополь.

Эта апрельская огневая буря так же внезапно окончилась как и началась. . Наступило затишье.

Среди защитников строились догадки: в чем дело? Какую еще каверзу готовили фашисты. Или защита принесла противнику тоже чувствительный урон и он сделал передышку?

Однако, сомнения вскоре рассеялись. На Малаховом кургане появились от врага парламентары с белым флагом и вручили старшему офицеру обороны еще один ультиматум, на этот раз последний. Этот ультиматум гласил:

„Немедленно гарнизону сложить оружие, иначе немецкое командование вынуждено будет прибегнуть к крайним мерам и применить газы“.

Любой гарнизон, при таком положении, находясь в безвыходном положении должен был бы покориться и сложить оружие.

Но Севастопольский гарнизон, достаточно осведомленный о немецкой гуманности в отношении русских пленных, а так-же к мирному населению в оккупированных областях Украины и Белоруссии, капитуляцию отверг.

Черноморцам было хорошо известно, что эсэсовцы не только расстреливают захваченных в плен матросов, но после мучительных пыток вешают их, вырезая на груди пятиконечную звезду.

Умереть под пытками в руках гитлеровцев или погибнуть в бою — такая диллема стала перед гарнизоном. Другого выхода им не было.

Черноморцы избрали последнее.

* * *

О русской женщине, которая несла наравне с войнами, страшное бремя кровопролитной второй мировой войны под Москвой, под городом Великого Петра, под Киевом, Орлом и под Севастополем, наши мемуаристы, почему то не упоминают.

Пусть мои первые страницы о героике наших матерей, жен, сестер и дочерей, станут лавровым венком, на их тяжелой дороге, усыпанной тернием.

Много их погибло в тылу партизанских формирований, при защите своих детей, а еще больше при обороне городов, вместе, плечом к плечу со своими мужьями, сыновьями и братьями.

Голодные, больные — русские матери несли это бремя и в осажденном Севастополе. Они рядом с моряками шли на бастионы укреплений и, защищая город, умирали как патриотки России.

Кремлевские властители в години, когда пошатнулся их трон коммунизма, не падали и женщину-мать, бросив ее в пекло кровавой бойни.

Русские женщины в последней войне участвовали не только как сестры милосердия, не только телефонистками и связистами на передовых позициях, не только па-

рашютистками и партизанами, но советское правительство создавало из них боевые резервы, на случай прорывов на том или ином участке фронта.

Я как сейчас вижу наших боевых подруг в горящем Севастополе. Их забыть никогда нельзя.

Вон... три сестры пробираются через развалины к месту, откуда несутся стоны тяжело раненых моряков.

Едкий дым от пожарищ застилает их глаза... кругом свистят режущим звуком пули. Где-то, рядом рванула бомба, обсыпая их землей... но они идут. Спотыкаются, ползут, снова идут... там, за разрушенной стеной здания раненые ждут их помощи... другие последнего напутствия в злой для них жизни... ведь, перед смертью, когда увидишь родное лицо сестры... легче умирать.

А вон, стоящая на коленях сестра одной рукой, другая повисла безжизненно пробитая пулей, поит из фляжки раненого или умирающего уже моряка. Боли своей она не чувствует. У ней боль в ласковых глазах, за моряка...

Там, за развалинами засела группа моряков и из пулеметов ведет обстрел приближающегося врага. С ними вместе и наши русские женщины...

А там, лежат трупы с развороченными животами, с разбитой головой черноморцев... среди них и трупы наших русских женщин.

Здесь и там, среди руин, пожарищ, в разрывах бомб, в смертельных схватках — мы увидели сталинскую „заботу о матерях“.

В смерти своей, в горе своем и в слезах своих, наравне со всем народом получила русская женщина от советского правительства свое равноправие...

Что пережито женщинами-южанками в осажденной крепости, знает лишь один Бог.

Он им помогал, Он их крепил и Он, часть из них сохранил от гитлеровского истребления.

Они, наши сестры никогда не забудутся участниками обороны Севастополя, вместе с нами защищавшими Севастополь и вместе с нами умиравшими, но не покорявшимися гитлеровцам.

И защита русскими женщинами Севастополя говорит за то, что Родину нашу Россию, есть кому оборонять от врагов...

Черноморская крепость, как никакая другая крепость мира, строилась именно и матерями Российских земель.

Она сооружена руками мужчин и женщин со всеми ее монументами, фортами, массивными резанными иероглифами и прочими береговыми укреплениями. Крепость Юга, потребовала во много раз больше гранитного камня, чем самая прославленная известная Египетская пирамида Хеопса и Хефрена.

Вот почему в Севастополе так много укреплений, которые не поддаются никакой силе врага.

ДЕССАНТ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

вы и безболезненно ими заменил выбывших
месь скорее задушить гарнизон.

Потеряв свои базы и оставив Севастопольские бухты, корабли прибыли, хотя в условный, но тыл, к берегам живописного Кавказа.

Экипаж теперь мог беспрепятственно сходить на берег и проводить свой досуг среди гражданского эвакуированного и бежавшего населения, из оккупированных немцами Украины, Белоруссии и новых Прибалтийских республик.

Моряки старались использовать каждую минуту своего давно заслуженного отдыха.

А в это самое время, в самом Севастополе, за развалины все еще шло, хотя с ослабевшей силой сопротивление уже не армии как таковой, а групп и отрядов.

Моряки еще защищали городские руины, где уже не было ни улиц, ни жилых домов, а только могильные холмы погибших...

Враг так-же нес большие жертвы, но он имел резервы и безболезненно ими заменял выбывших солдат, стремясь скорее задушить гарнизон.

Тральщик „ЧЕ-27“, на который я попал по случаю ранения, тралировал вражеские мины далеко от берегов полуострова.

Этот корабль до последнего времени не имел еще поражений и шел уверенным ходом, прощупывая глубинными бомбами каждое подозрительное место.

Но вражеских мин нигде не обнаружил, хотя и неплохо искал их в подводном царстве.

Мне припоминается моя последняя ночь на этом корабле, в семье тралираторов. Ночь эта была особенно темная, словно решившая укрыть от экипажа корабля зловещие мины и своим мраком заслонила даже самую мачту судна.

Эта непроглядная темень и вой ветра, невольно нагоняли особенно на молодых минеров прибывших на корабль недавно, хандру.

Среди них шел тихий разговор о суше, где можно твердо стоять на ногах, а не качаться всем телом круглые сутки.

Действовала эта темень и на старых моряков. Они знали, что в такую предательскую ночь не один уже корабль подорвался на вражеской мине.

Неожиданно это душевное томление и разговоры нарушил громкий голос новичка сигнальщика Крамского, только что сменившегося со своей вахты:

— Товарищи! — крикнул он. — Завтра ведь день первого мая!.. День весны и солидарности всех трудящихся!...

Сознание, что маленькая семья тральщика дожила до мая, пройдя через грозные дни 41-42 годов, вселило и давало каждому новую энергию и новую надежду, что скоро весь ужас, который пришел вместе с Гитлером на

нашу родину, сгинет и что все вернутся, наконец, в свою домашнюю родную семью.

Моряки начали поздравлять друг-друга с праздником весны, забыв на время о металлических убийцах, прятавшихся в морской глубине.

А на заре вся команда запела первомайскую песню, хотя это строжайше запрещалось в военное время.

Звуки песни эхом разносились по кораблю, замирая вдали морского поля. Песня эта говорила о том, что кроме смерти витавшей над морем — где то есть и мирная жизнь и мирный труд...

Отдав первомайскому дню свой прощальный салют, моряки снова заступили на вахту...

Командир тральщика поблагодарил команду за организованность и дисциплину. Я-же, в свою очередь напомнил минерам, как 23 марта тральщик „С-17“, на котором плавал и я, подорвался на мине. Десять человек погибли, меня же Всевышний оставил в живых.

Морская мина это — шарообразная металлическая бомба, по своему взрывчатому материалу и разрушительному действию, ничем не отличающаяся от авио-бомбы. Разве только, что она не бросается с воздуха, а качается в воде на поплавках и молча ожидает свою жертву. В то время, как авиационная бомба в своем полете — режущим, все нарастающим визгом и шумом напоминает о себе заблаговременно, морская — молчит и ждет.

Морские мины бывают разных размеров и ставятся на разных глубинах, в зависимости в каком бассейне она ставится и для каких кораблей предназначается.

Взрыв ее, как правило происходит в полной зависимости от ее погружения в воду и тех проходящих паров сжатия, которые вырабатываются самим морским течением.

Жертвой такого скрытого морского чудовища и был наш тральщик „С-17”, который, не смотря на свое предназначение вылавливать эти скрытые снаряды, сам наскочил правобортовым килевым основанием на мину.

Последняя дала только две пробоины в одном отсеке тральщику, но от сильного толчка, в трюме взорвались и боеприпасы.

Этот взрыв, не столько причинил вреда самому стальному организму корабля, сколько самому экипажу.

В этой аварии десять человек из экипажа были смертельно ранены. Само судно, при помощи буксира дошло до базы укрытий, где и было отремонтировано заново.

Я просил не забывать погибших товарищей и честно выполнять свой долг перед отчизной, напомнив им, что впереди нас ожидает еще много боевых походов, которые потребуют не одну еще жертву во имя Нахимовского флота и самой защиты России.

Закончить своих пожеланий я не успел. Со скоростью весеннего ветра, на тральщик наскочил шквал и врезаюсь глубинным килем, задержал нормальный ход судна.

Корабль начало так сильно бросать, что он то и дело ложился на крен. А медлительность на воде — равна смерти.

Выполняя команду капитана корабля, матросы стойко сопротивлялись силе ветра и летевшей полосе штор-

ма. И это хорошо знает любая судовая команда, побывавшая в штормующем море.

Судно, скрипя всем своим железным телом, то почти совсем скрывалось в морской бездне, то выносилось на поверхность холмообразного водного пространства, но все же властно разрезало гребни водных гор.

Только на второй день мая ветер заметно утратил свою силу и стал утихать, а само море спрятало свое суровое лицо.

Северный ветер сменился теплым восточным течением. Небо прояснилось и тучи рассеялись.

Грозные десятибальные волны-валы исчезали и морская поверхность, словно начала отдыхать, после своего гнева.

Но сам тральщик, все еще продолжал качаться и эта лихорадочная судорога казалась бесконечной.

Его носовая часть содрогалась и продолжала уходить в водную пучину, напоминая экипажу, что шторм еще не совсем оставил корабль и он, взбудоража море, снова может обрушиться на судно.

Но на этот раз, буря ушла и судно могло держаться мест тралирования.

После пронесшегося шторма, хотя и трудно было находить заминированные морские поля, в такое время можно было ожидать, что не сам тральщик обнаружит врага, а наоборот мина его, но опытность черноморцев и после буреломного ветра помогла судну находить блуждающие подводные чудовища и экипаж корабля расстрелял не один десяток мин глубинными бомбами.

После выполнения своего боевого задания экипаж получил от командования приказ вернуться на новую базу, поблизости города Поти, что тральщик „ЧЕ-27“ и сделал, ожидая нового поручения.

Я-же, по прибытии в Поти был немедленно вызван в штаб торпедных катеров и получил новое назначение.

* * *

„Поверьте мне, как и я вам“, сказал командир дивизиона.

— Вам необходимо добраться незамеченным к вражеским судам и рассеять их строй берегового обстрела.

— Наше командование дает вам это поручение, как опытному моряку и уверено, что вы его выполните.

— Есть, товарищ командир!

Другого моего ответа командование и не могло ожидать. — Доверие ваше будет оправдано, это мой долг перед флотом. Моему успеху может помешать только смерть.

Это ответственное боевое задание с одной стороны мне льстило. Его дали не морскому волку, прошедшему на морях десятки лет службы, а совсем молодому офицеру. Кроме того, я горел желанием, как можно больше принести врагу вреда и пользы для своей родины.

Но с другой стороны это задание и страшило меня. Сумею ли я с честью выполнить боевой приказ? Сумею ли подойти незамеченным к вражеским кораблям, которые, хотя и оккупировали нашу страну, но всегда были на-чеку...

Опьяненные успехом на суше, немцы расширили свои действия и на Черном море.

Цель врага была ясна: ему нужно было как можно скорее подбросить резервы и закрепить за собой контроль над всем Черноморским побережьем.

В те дни местом для разгрузки своего транспорта враг выбрал порт Ялты. Но, как видно, сама природа, само наше родное Черное море восстало против фашистов.

Море эти дни бурлило, вздымая свою могучую пенную грудь. На помощь морю прилетел ветер „Норд“ со стужей и северными туманами.

В такую ненастную погоду немцы порт Ялту для транспортной выгрузки оставили в покое и часть живого груза попытались перенести в Евпаторию.

Зная, по точным донесениям морской разведки, о замыслах неприятеля, командование торпедным дивизионом, послав три звена катеров к Евпатории, поставило передо мной задачу:

„Вражеский транспорт потопить. Конвойные корабли врага рассеять“.

Никогда раньше я не переживал мучительного беспокойства, как на этот раз. Переживали это и мои соратники в этой смелой вылазке, зная, что вражеский транспорт имеет большое значение в осаде Севастополя.

Знали мы и то, что может случиться, если пропустить транспорт врага. Поэтому я поспешил с выходом катеров в море, чтобы там, в пути проверить свои боевые расчеты и подойти незамеченным к неприятелю.

План действия был не легок: морская мгла не позволяла подойти к врагу на нужное расстояние. Еще труднее было прорвать цепь охраны и врезаться в корабли своими торпедами.

Гитлеровский флот кое-где уже встречался с русскими черноморцами и научился блюсти осторожность.

Только поэтому, немцы вели свои караваны по Черному морю в непогоду, чтобы скрыть свои корабли в пучине морской мглы.

Как видно в такое беспокойное время погоды неприятель не ожидал нападения со стороны русских и поэтому не успел встать в боевой порядок, чтобы защитить свой транспорт от торпед.

Под покровом непогоды наши катера медленно приближались к обозначенным на судовой карте, вражеским транспортам...

— Стоп! —

Одно только слово пронеслось по отряду катеров.

Одно мгновение и страшные взрывы потрясли морскую зыбь.

Метание торпед произошло в три приема, по сигналу первого звена.

Бурлящее море начало поглощать в свою ненасытную пасть все, что оставалось на его поверхности.

Когда на вражеском транспорте начали взрываться боеприпасы, корабли были объаты племенем огня, мы стали свидетелями дела рук своих.

Как безумные металась в огне неприятельские солдаты и матросы. Бросались в море и тут же находили себе конец.

Приказ командования был выполнен. Транспорт с боевым снаряжением к Севастополю не дошел.

* * *

В каком направлении, в последующие военные дни плавал „Безымянный“, где тралировал вражеские мины тральщик „27“ и какая судьба постигла оставленную мною команду торпедных катеров, я не знаю.

Знаю только, что часть из команд вышеуказанных кораблей, в том числе и я сам были списаны на сушу навсегда...

Списанные черноморцы покинули борта кораблей на второй же день стоянки в гавани Поти и немедленно были зачислены в формирующуюся часть десантников, которые готовились в предместьях города и предназначались для диверсионной работы в немецком тылу на Украине.

Сводный полк моряков и пехотинцев пройдя соответствующую пятидневную подготовку диверсионной службы, были воздушным путем переброшены вместо Украины, на территорию Крыма в Бахчисарайский район, где немцы еще вели бои с отрезанной группировкой от Севастопольского гарнизона.

Гул моторов на самолетах и шум парашютных строил у многих из нас, не привыкших еще к таким прыжкам с воздуха, вызывал чувство обреченности, но как только наши ноги прикоснулись к земле, а это произошло рано на рассвете — мы сразу почувствовали близость родного Севастополя и радость, что нам опять придется сражаться за крепость.

Громыхавшие разрывы бомб напомнили, что Севастополь еще не покорился врагу и черноморцы начали торопить остальных десантников, быстрее собраться в боевые расчеты, чтобы не попасть сходу под огонь врага.

Нужно было спешить парашютистам на выручку попавшим в окружение, поскольку каждая минута промедления могла принести полную гибель окруженным и самим десантникам тем более, что наше переутомление и неопытность в диверсионной работе, давало немцам перевес над нами. Среди пехотинцев даже начались разговоры, что на суше, да еще в тылу опасность слишком велика, а с основными силами гарнизона крепости, вряд ли можно будет соединиться.

К тому-же, парашютная часть мало что могла сделать в одиночку, самостоятельно.

Все это заставило командира десантников принять решение влить своих бойцов в местный партизанский отряд, который оперировал поблизости полка.

Выбравшись из Бахчисарайских окраин, он встретился с партизанским командиром, но тот десантников к партизанам не допустил.

Лесной главарь, почти на глазах немцев, обходным путем соединил наш отряд с группами, которые много дней под ряд вели неравные бои, находясь в окружении.

Части попавшие в окружение, переживали форменную голодовку, не имея ни пищи, ни воды. И все же, о сдаче у них никто не думал.

Обстрел с воздуха, голод, нестерпимая жажда, все это незамедлительно отразилось и на нашем полку.

Весенняя крымская жара настолько действовала на голодный организм, что казалось и на самом деле безвыходность в создавшемся положении и, что подходит конец... но, конец пришел на много позже.

Безостановочное движение и маневренность в кольце подразделений, настолько переутомило солдат, что последние начали валиться с ног и тут же засыпать мертвым сном, теряя всякую предосторожность.

На 12-й день после приземления, ходячим сном заболел и я сам. Меня валило с ног и теряя равновесие я падал на землю, уже уснувшим. На этот раз на воинов надвинулся враг сильнее пули или снаряда. Сон в буквальном смысле сковывал все тело, туманил рассудок.

Выкроить для сна хотя часок времени не было. Спали на ходу. Многие не выдерживали этого состояния и кончали сами с собой, последним зарядом своей винтовки.

Однажды, в часы сноморительных минут, когда я всеми силами боролся с этой сонной агонией клонившей меня к земле, я пробудился от сильного взрыва разорвавшегося рядом снаряда. Рядом со мной лежал офицер. Нагнувшись к нему, я услышал тихий голос:

— Ох, не могу... Силы покидают меня... Боже, возьми меня раньше, чем сапог врага переступит мою грудь... —

Изо рта офицера струйкой бежала кровь и я подумал: ведь впервые присутствую возле умирающего сухопутного офицера?

— Пристрелите меня, — шептал он. — Мне тяжело... Выдавливая звуки, артиллерист звал смерть: — не дайте

мне видеть гитлеровцев, я честно сражался за Россию. —

Офицер приподнялся, но тут же упал, его глаза уже застилало смертным туманом.

Я взял его за руку... Рука была упругой. Он был еще живой. Взглянув в мое лицо он сомкнул свои веки и последние слезинки смочили его пожелтевшие щеки.

Его взгляд напомнил мне что то очень знакомое, близкое... Потом, жгучая мысль огнем обожгла рассудок, связки моей гортани перехватила сухота, мой рот открывался, но не выпускал никаких слов.

— Николай... — крикнул я. — Николай!..

В офицере я узнал своего родного брата...

В мгновеньях, перед глазами встало далекое, далекое... домик спрятавшийся в кустах черемухи. На террасе, мать разливает чай. У мамы, лицо не высыхает от слез. И, хотя она прячет слезы платком, но мы видим ее скорбь. На следующий день, ее сын, а мой брат Николай уезжает в Москву на службу военную... Настал и последний день. Мама не оторвется от груди Николая... Потом... потом вокзал... поезд скрылся из глаз. Вот, словно оторвалось, что-то от нашего сердца, в нашем домике... Брат, сначала писал. Потом перестал. Письма его для матери были праздником. В СССР свой закон. Раз государство взяло у матери сына, сын должен забыть и своих родных... Через три года пришлось и мне покинуть мать... В течение долгих лет искал я встречи с братом. Мама писала мне, что Николай один раз, на очень короткое время приезжал домой, но больше она его не видала... Не видел и я... пока вот, здесь, на родной земле, пропитанной кровью своих синовей, политой сле-

зами своего народа, и потоптанной ногами немецких варваров, я наконец увидел своего брата.

Рассудок не мирился с явью. Мне казалось, что это бред, галлюцинация после безостановочных кровавых стычек с врагами... что мне мерещится труп Николая. Но... правду не отгонишь ничем.

Меня бросало то в жар, то в холод. Склонившись над ним, я согревал его холодеющие руки... звал его... ведь я жил все время мечтой встретиться с ним...

Вскочив на ноги я бросился бежать. Куда?.. Помощь, помощь нужна! Рассудок интуитивно заставлял меня бежать за помощью.

Шедший навстречу солдат с испугом остановился, повидимому не понимая, о чем я прошу его в своем лепете, да еще при артиллерийском обстреле врага.

Встреченный мною оказался не рядовым солдатом, а военным фельдшером. Вернувшись с ним к брату, я торопил его, просил, приказывал помочь Николаю.

Но его знания уже были бесполезны. Брата, как сотни тысяч русских воинов, уже нельзя было вернуть к жизни. Он был мертв.

Правое плечо капитана артиллерии было раздроблено, левая нога почти оторвана. Застывшая на ней кровь говорила, что брат приполз сюда со своими смертельными ранами на закате своего последнего земного дня.

В походах и сражениях с врагом, жертв войны я видел много, но ни одна из них так болезненно на мне не отразилась, как эта.

Судьба, словно подшутила надо мной. После десятилетней надежды и мысли увидеть наконец брата — она послала на моем пути его труп.

С трудом, мне удалось добиться от своего наземного командования похоронить тело Николая по Дальневосточному обычаю Амурских хлеборобов, хотя и под огнем неприятеля.

С помощью черноморцев мне пришлось тащить труп за собой, чтобы выбрать момент затишья и само место погребения.

На крымской земле не легко найти грунт без камней и я не в силах описывать жалкую церемонию похорон брата и мое душевное переживание, охватившее меня в последние минуты прощания с ним. Я дал клятву старшему по крови отомстить за его жизнь врагу не одной жизнью, а несколькими.

Оставаясь один у изголовья свежего кургана, в котором лежал прах одной со мной крови и от одной несчастной матери, я плакал, как плачут только дети.

Это была первая и последняя встреча с Николаем за десять лет. Я удаляясь от насыпи холмика, десятки раз оглядывался на возвышенный выступ земли и посылаю ему свое братское прощай.

В ТЫЛУ ВРАГА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

снова на суше вести людей в бой.

Десантники находясь в кольце окруж

Ночное совещание командного состава, которое проводил командир одной из бывших приморских соединений, генерал Греков, подходило к концу.

Это последнее совещание наложило на каждого командира свой тяжелый отпечаток, за понесенные жертвы и за утраченную инициативу над неприятелем.

Здесь, каждый из них принимал для себя последнее решение по отношению вверенных ему бойцов.

Все они молча делали свои последние оборонительные планы. Одни из них, наряду со своими оперативными делами, сортировали штабную переписку, другие — очищали свои планшеты от бумаг, третьи сжигали топографические карты прошедших походов.

Наблюдая со стороны за происходящим, передо мною проносилось то, что уже оставалось далеко позади, как и последний парашютный десант, который влившись в общую массу, тут же расплылся и ничего уже не смог делать самостоятельно. Мне еще предстояло снова на суше вести людей в бой.

Десантники находясь в кольце окружения, как и все, становились мишенями для огня вражеского обстрела.

И чем больше я начинал думать о прошедших днях, тем больше мысли были темнее. О, Россия! Как тяжело

LIVRARIA "KNIGA"
Rua Quintino Bocaiuva, 22 2.º S/B 91
SÃO PAULO BRASIL

тебе в эти дни, а с тобою и нам, твоим сынам думать, что именно ты больше всех несешь потери.

Почему наша родина во всех своих войнах страдает больше других государств? Во имя чего народ России несет и теперь тяжелое бремя войны? Ведь никто иной, как „вожди” многострадальных россиян виновны в постигшей страну катастрофе. Они, водители мирового пролетариата, скрывали и скрыли причину гитлеровского нашествия... Они обещали бить врага на его территории, но пока это случилось, почти вся страна была разрушена, а сами они оказались неспособными защитить государственные границы когда то самой могущественной державы.

Ведь, если бы руководители Кремля и сам „всемогущий” Сталин, своевременно открыли свои замыслы мирового интернационала и не готовили бы взрыва на Западе, то наверняка и мы не были в Крыму, и немцев не было в нашей стране.

Ведь мало кто знает о том, что Сталин готовился вторгнуться в Германию и что Гитлер опередил на какие нибудь недели своего вчерашнего „союзника” и своим неожиданным походом на Россию перепутал Кремлю все карты.

Если-бы не произошел июнь 1941 года — роковая дата для России, для немцев роковой датой стал бы июль, этого же года.

Готовясь проглотить фашистскую Германию, Сталин забыл подготовить на случай собственной обороны, свое командное руководство и ограничился только тем, что назначил политический контроль, который на местах сковывал всякую решимость в действиях и личную ини-

циативу командиров подразделений, что привело в первые же дни войны к прорыву советских войск и массовому пленению русских воинов.

Неудачная оборона Красной Армией Западных границ ясно показала, что неспособность таится не в самой силе полков, дивизий и корпусов, а в неорганизованности самого верховного командования, которое не хотело доверить руль действий на фронтах молодым генералам и талантливым военачальникам.

Будучи на военных совещаниях, мне неоднократно приходилось слышать, как отстаивали отдельные командиры планы практических действий и образумливали тех, кому еще все казалось какой-то крайностью.

Но, разве их можно было повернуть от математических сухих расчетов.

В две войны были моменты, когда и обилие вооружения в мертвых руках замирало и наоборот, даже самая минимальная база снабжения у живого и знающего военачальника, толкала войска вперед и вперед, хотя раздавались порой с ветерком голоса: „для чего так много и почему так быстро”.

Подчинять идущие навстречу события своей только логике и не уступать хотя-бы иногда, — есть полнейшее безумие и в этом безумии не понимая своего места творить увечия, значит быть или же глупцом, или же деспотом, каким и был в свои дни Сталин.

Прорыв немцев в Крым через Перекоп и Сивашские болота разуверил окончательно вооруженные силы Советского Союза и приоткрыл войнам лживую ширму диктатора в его способности защитить страну без вмеша-

тельства извне не только территориальные владения России, но и неприкосновенность населения.

Красноармейцы и краснофлотцы воочию убедились, что большевики захватили власть не для того, чтобы своей идеальной государственной системой обеспечить благосостояние своего народа, а только для внедрения в жизнь идеи Карла Маркса о коммунистическом обществе во всем мире.

Нищенское существование населения за линией фронта настолько подействовало на фронтовиков, что даже ранее веровавшие солдаты в мудрость отца народов перестали не только верить, но вспоминать о нем.

Из уст воинов все чаще слышались проклятья в адрес коммунистического командования, но при всем этом — матросские ряды не поддавались гневу пехотинцев, так как понимали, что сейчас не время сводить счеты с кремлевскими обманщиками.

Очутившись в тылу врага, моряки-черноморцы, не смотря на безысходность всей обстановки и не подумали изменить своей ненавистной власти, хотя для этого были все возможности.

Враг в Крыму считался с русскими в черных бушлатах и морякам, всему флоту можно было использовать свою силу, чтобы разделаться с Кремлем, но тогда не нашелся национальный вождь, который поднял бы знамя борьбы и против оккупантов и против советской власти.

Черноморцы до конца оставались на стороне сопротивлявшихся и, конечно умирали уже не за Сталина, как об этом писала иностранная пресса, а за будущую могучую Россию.

И тем не менее, сталинское зло, шаг за шагом опережало здоровое настроение моряков и бросало, если не их самих, то пехотинцев, целыми ротами в пасть вражеского плена, который и без пленных Крыма, поглотил к этому времени уже миллионы советских солдат и командиров на Западном направлении.

Эти миллионные армии первых дней войны, только за колючей проволокой немецких лагерей полностью осознали, что в мире с коммунистической диктатурой ни одно государство жить не может дружно.

Эти пленные русские воины, немедленно перерождались из бывших советских красноармейцев в настоящих русских солдат, перешедших в лагерь непримиримости к коммунистической диктатуре.

Мне же лично, как и многим молодым людям, было трудно понять демократический строй Запада и особенно Заокеанский, о котором мне было немного известно еще при обороне Одессы, где якобы право личности и сама жизнь человека выше самого закона конституции и президента.

Кадровый личный состав советских вооруженных сил не был осведомлен о старых дореволюционных днях, как и о Западных свободах и поэтому, в самом огне войны было тяжело менять свои созревшие и застывшие взгляды, которые в советской школе с детства впитывались в наше мировоззрение по отношению капитализма на Западе.

Я, как и многие не являемся исключением в этой антикоммунистической волне. Все мы, бывшие подсоветские рабы, в одинаковой мере перерождались под пуля-

ми врага и начинали по настоящему думать не столь о самой войне, сколь о самой судьбе России.

Эти думы невольно нас уносили куда то в неизвестность и все именуемое — советским, становилось чужим.

У нас у всех появлялась любовь к далеким национальным предкам необъятной родины.

Тот, кто прошел поля сражения минувшей войны, тот видел, что не только на фронтах изнемогали русские люди от голода и холода и в выполнении непосильных оперативных задач военного командования, которые несли только ненужную смерть, но видели это и в тылу.

Переноса страшные страдания в окружении, войны дрались не за коммунизм, а за обязанность по отношению своего народа, которая для русского солдата была выше всяких наград от Советского правительства.

Эти настроения помогли советскому солдату разобраться в лживости Кремля и ясно показали, как жестоко и лицемерно отнеслись политические вассалы сталинских дней к дравшимся на смерть русским.

Поэтому не случайно, как только в Крыму советский кулак над местным населением порвался, а пропагандные и карательные органы НКВД эвакуировались, то сразу враждебность жителей и особенно крестьянства к советской власти выплыла на поверхность.

Все прежние, мало замечаемые выбоины, мгновенно превратились в глубокие овраги, а так именуемые — довоенные шероховатости в примирении нацменьшинств — в пропасти для социализации Крымского полуострова.

Уцелевшие солдаты-нацмены сразу же, целыми батальонами стали переходить на сторону врага.

Воины-татары высказывали открыто свои антисоветские взгляды на угнетение Москвой, хотя и питали дружеские чувства к русским.

Советская законность гасла на Крымской земле и нам русским было понятно, почему татары возненавидели коммунистов и почему они стали непримиримыми к врагам комиссарам, которые и сами неуверенно защищали коммунистическое равенство.

Кто участвовал в обороне Севастополя, тот воочию убедился в лживости этого пресловутого равенства.

Красное командование всегда, не только недоверяло, но и делило солдат нацменов пропорционально по ротам, батальонам и полкам, где командир и комиссар обязательно назначались из других национальностей и контролировался уполномоченным Особого Отдела НКВД.

Эта, так называемая „военная целесообразность“ озлобляла национальное меньшинство красноармейцев и кончалась групповым дезертирством в стан врага и, которые тут же острие огня поворачивали против своих же коммунистов-нацменов, независимо кто они были: татары, калмыки или армяне.

* * *

Угасавший костер заставил прервать мои размышления. Предрассветный холодок извещал уснувших солдат о приближающемся утре. Где то недалеко застрекотали кузнечики в траве.

Эта тишина ночи позволила хотя немного отдохнуть многолюдному муравейнику, в котором к 4 часам уже все зашевелилось.

Воины выползали из своих логовищ и сонными становились в боевые расчеты своих подразделений.

Никто даже не представлял себе, как может развиваться предполагаемый прорыв, при том в такое время, когда нельзя было врага застать врасполох.

На рассвете посты наблюдения подали сигналы „воздух” и над приросшими к земле телами, ураганом пронеслись стаи вражеских „Вульфов”.

Кто-то не выдержал близости воздушных хищников и дал несколько очередей из ручного пулемета, но гитлеровцы видимо имели другую цель в своем штурмовом полете. Они не ответили огнем по нашему скопищу.

Противоздушный рожок дал отбой и чей то охрипший голос эхом пронесся над нами:

„Товарищи! Нас предало верховное командование! Сталин нас не собирается выручать... Не верьте комиссарам, они врут, что в верховной ставке не знают о нашем положении. Стреляйте политических врунов как и немцев. Они враги наши!.. Враг уже на Северном Кавказе. Мы сами должны выбрать или смерть или прорваться к Севастополю и драться вместе с гарнизоном!..

Последних слов за усилившимся шумом разобрать было нельзя.

Кто-то опять повторил стрельбу, словно стремясь своими выстрелами утихомирить нараставший гнев в солдатской среде.

Возмущение не утихало, а нарастало. Одни начали поддерживать говорившего командира и выкрикивать против комиссаров брань, другие заступались за политруков и доказывали их невиновность.

Страсти настолько разгорелись, что казалось, вот-вот над политическими работниками начнется самосуд и его ни чем нельзя будет остановить. Но с появлением вновь выбранного командующего Волкова, взрыв мести солдатской массы был без труда его приближенными погашен.

Обновленный штаб старшего командования, возглавляемого беспартийным Волковым, сформировался без партийного глаза и вся полнота военного руководства перешла в руки одного командующего.

Новый командующий человек был решительный и обращаясь к войскам, он предложил солдатам выбирать две крайности: или продолжать борьбу или же немедленно сдаться врагу, давая при этом понять каждому, что он лично стоит за первое — воевать до конца.

Так за спиной врага начали укомплектовываться на ходу отряды, подразделения и целые части, без комиссаров и их подручных особистов из НКВД.

Шли тяжелые часы дней, их сменяли ночи, но и обновленное командование не могло еще вывести из котла окружения уставшее Крымское соединение.

Штаб Волкова хотя и разработал план прорыва, но осуществить его еще не решался. И только на шестые сутки он разрешил двинуться в боевом порядке вверенные ему части на Юг.

Волков использовал для передвижения своей армии не дороги, а узкие извилистые горные тропинки, когда то натоптанные стадами овец горного татарского селения.

Немцы хорошо еще не знали местность Юга и выпустили из своего поля зрения редко заселенные Приайпетровские районы, особенно края самих Айпетр и тем самым дали возможность русским беспрепятственно перевести дважды свои войска через ущелья и спуститься к берегам Черного моря.

Путь через горы был не легок и двигающаяся лавина военных страшно уставала от скученности и бездорожья.

Но все лишения окупились тем, что отход был выигран у врага и части Волкова находились вне обстрела с воздуха.

Маневренность была добыта не оружием, а умной стратегией. Айпетровские горы укрыли колонну и они были защищены от воздушных сил.

Эти тропы не забываются мною и теперь. Перед моими глазами — утро того дня, когда мой отряд преодолев горные препятствия благополучно спустился вниз и наткнулся на пункт советского полевого лазарета, брошенного 51-й пехотной дивизией еще осенью 1941 года.

На изувеченной местности было видно, что здесь, до войны красовались плантации виноградников и фруктовых садов, уничтоженных отступавшими советскими войсками.

И чем ниже мы спускались к морю, тем чаще нам стали встречаться картины разрушения благодатного Юга, который стал жертвой взрывов и пожаров для партизанских отрядов.

Двигающаяся армия Волкова, хотя от тяжелого перехода и выбилась из сил, но все-же была готова ко всяким неожиданностям со стороны врага.

Эта сохранившаяся сила, которую красная Москва считала давно уже уничтоженной немцами и, которую сам Сталин списал со счета действующих боевых единиц, позднее дала о себе знать не только оккупантам, но и своему верховному командованию в Кремле.

Нельзя замолчать и о том, что Сталин на Крымском полуострове доверял больше партизанам, чем кадровым войскам оказавшимся в окружении и он, как правило, за счет регулярных войск снабжал тыловиков-партизан.

Перевалив высоты гор мой отряд автоматчиков получил приказ — прикрывать правофланговое крыло спускавшихся еще подразделений. Выполняя этот приказ мы, на своей тропе, случайно наткнулись на целую базу подземного склада с боеприпасами, предназначавшимися для отрядов диверсионной службы полковника Папанина.

Какого военного снаряжения здесь не было! Даже горные улегченные пулеметы. И все это лежало без дела, когда черноморцам при защите Севастополя приходилось из-за отсутствия достаточного количества огнестрельного оружия бить врага штыком или прикладом винтовок.

Найденные склады партизан ободрили воинов генерала Волкова и последний приказал тут же разоружить пятьдесят охранников-партизан, не пожелавших сдать добровольно все содержимое на складах.

Конфискованные запасы помогли поднять боевой дух Волковцев и дали командованию надежду, что с таким хозяйственным обозом армия сумеет прорваться из окружения и соединиться с основными силами осажденной крепости.

Шум и грохотанье спускавшихся к морю частей не прошло мимо вражеской воздушной разведки, которая дала знать тыловым группам полевой жандармерии о продвижении наших войск. Жандармы, прибегнув к помощи татар-самостийников, настигли соединения Волкова.

Карательные отряды охотившиеся за красными партизанами не были настолько сильными, чтобы причинить значительный ущерб кадровым частям, но все-же командующему пришлось считаться и с ними, отказавшись от мирного отступления и скорее постараться ликвидировать малочисленные отряды жандармерии.

Эти стычки с карательными отрядами немцев, все-же обессиливали солдат, страдавших от недостатка воды во время жары.

Хозяйственным ротам поэтому пришлось устанавливать наспех походные кухни, оделяя солдат кроме воды и минимальной порцией конины с шрапнелью.*)

Непредвиденный привал был кратковременным. Войны на ходу проглатывали полученную порцию и тут же падали на минутный отдых.

Нестерпимо хотелось спать. Но кто же позволит уснуть в такое время, да еще на Юге, где ночь совсем

*) Перловая крупа.

коротка. Она молниеносно уходит, а солдат поднимают полусонными и они тут же становятся в строй для дальнейшего пути.

Трудно было даже себе представить, что эти измученные в конец люди и есть та Армия русских патриотов, за которой гитлеровцы гоняются уже больше месяца.

Юг и Черное море.

Южная часть Крыма дорогами бедна и единственное живописное шоссе, пролегающее у берегов моря и проходящее через перевал от Алушты до Симферополя, было сильно повреждено, не говоря уже за проселочные, которые к этому времени были все разрушены если не оккупантами, то своими партизанами.

Сказочное, по своей красоте, курортное побережье: Ялта, Гурзуф, Симеиз, Ливадия, Алупка, Байдарские ворота и другие места так-же были разрушены и сожжены партизанами по приказу верховного командующего: „Врагу ничего не оставлять”.

В этом разрушении своей страны фактически и сказалась вся стратегия мудрого вождя Сталина.

Маневрирующим частям оставался единственный мало поврежденный отрезок дороги, идущей выше Байдар на Севастополь, по горной крутизне и с плохим настилом.

Механизированные подразделения с трудом проталкивали по бездорожью свою технику и заметно отставали от шагавших пехотинцев. Их положение на Юге было во много раз хуже, чем пешеходов.

Пропускать вперед все двигающееся и шагавшее было не легкой задачей для саперов и командующему приходилось то и дело останавливать всю колонну людско-механического потока, чтобы дать возможность замыкающим и самому охранению своевременно подтянуться к основным частям отходивших войск.

Трудно сказать, что если-бы армия Волкова и имела в то время технические средства передвижения — могла бы с этими средствами скорее преодолеть свой трудный путь в Южной части Крыма. И эти трудности начинали меня обязывать на любые испытания, на любые подвиги, которые, как и всем со мной шагавшим рядом черноморцам завещал адмирал Нахимов: „Идите скорее на Малахов Курган и обороняйте там Севастополь, не за страх, а за совесть перед Родиной”. Так говорил адмирал пехотному генералу-нытику.

Подменив прикрывающую роту своим отрядом, мне не хотелось думать о завтрашнем дне, но сама обстановка говорила, что впереди ждет еще худшее. Это худшее чувствовали и сами мои подчиненные, но оно не вносило в наши ряды паники, ни страха, наоборот крепило каждого на новые испытания.

Готовя к прорыву батальоны и полки, генерал Волков взял на себя лично всю полноту оперативного руководства над командирами головных частей и обязал каждого из них безоговорочно подчиняться его приказам.

Командиры эти не представляли из себя манекенов тех, которые подчинялись Верховной ставке. Каждый из них знал, что приказ Волкова не сухое, казенное распоряжение, часто противоречащее боевой обстановке.

Волков всегда напоминал своим командирам: „Человек, посвятивший себя бесстрашию, в первую очередь должен быть исполнительным по отношению самого себя и, каждый солдат доверивший ему свою жизнь, вправе у него спросить — обладает ли он сам специальными военными знаниями.”

В этом генерал Греков был безусловно прав, когда говорил что командир, который оседлал пехотное, саперное и артиллерийское дело, то в бою от него зависит весь успех боевой операции.

В народе недаром живет поговорка: „Лучше идти чем бежать, лучше стоять чем идти, лучше сидеть чем стоять и лучше быть дома в кругу родных, чем неизвестно где, по бездарности незнайки”

А таких незнаек во время прорыва вражеского кольца было немало. Знающим свое дело оказался, раньше совсем незамеченный, опальный генерал Волков, который до войны просидел пять лет в Советских тюрьмах.

Признанный солдатами авторитет Волкова, помог его соратникам направить погибавшее дело прорыва и войны посвятили себя целиком этой цели.

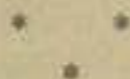
Они снова были готовы умирать на полях сражений и за родную землю и за своего нового полководца.

Разведывательные группы новой армии к этому времени уже успели добыть у врага не один „язык”, которые с достоверной точностью предупреждали штаб Волкова, что немцы спешно подтягивают свои резервы и готовят очередной удар не по горной отрезанной советской группировке, а по остаткам Севастопольского гарнизона.

Донесения разведчиков были перепроверены специальной вылазкой и Волков только после этого решил изменить свой план — „выиграть время”.

Командование отменив последнее, решило внезапно ударить по резервам неприятеля с самого тыла и этим самым сорвать сроки вражеского наступления на крепость.

План этот был большим риском, но Волков приказал командирам повернуть часть вверенных ему войск обратно. Он напомнил идущим частям что лучше умереть на брустверах врага, чем страдать лишь одним желанием и бездействовать.

Немцы, в основном так-же пользовались только центральной дорогой на Севере полуострова, которая связывала все артерии оккупационных войск и сам занятый центр Симферополя.

В штабе было решено, во чтобы то ни стало парализовать на этой дороге подвозившиеся немецкие резервы к Севастополю.

Маневренный отход на Юг моря теперь становился второстепенным и перестал интересовать командующего, за исключением разве того, что здесь сохранится живая сила на будущее время.

Волков немедленно повернул обратно через Айпетри одну бригаду моряков и две бригады пехотинцев.

Во главе этих отборных войск он стал сам, а Южный отход поручил продолжать своему начальнику штаба — генералу Грекову.

Обратный переход через горы нужно было как можно скорее проделать и он был обозначен в плане командующего как „Прыжок с трамплина”.

На этот раз мой отряд матросов входивших в бригаду был головным, выполняя обязанности армейской разведки на всем пути, до самого момента сражений.

Первыми пошли в бой с гитлеровцами морские пехотинцы. Не ожидавшие наличия где либо по близости советских войск немцы, при появлении своих заклятых врагов в черных бушлатах растерялись и моряки, не дав им опомниться, лавой обрушились на них, захватив с ходу Бахчисарайский*) пункт с подвезенными туда боеприпасами для штурма Севастополя.

Не выдержав яростной атаки матросов, да еще с своего тыла, немцы открыли им свой центральный участок дороги в самом Бахчисарае.

Гитлеровские резервы в панике бежали по дорожной седлавине, забывая о своих раненых и бросая продовольствие и военное снаряжение, которые так жизненно нужны были наступающим частям.

Эти, хотя и временные успехи, воодушевляли моряков и они еще с большим рвением преследовали неприятеля на своем продвижении вперед.

Идя боевыми рядами на врага, на этот раз — черноморцы уже не вспоминали имя „вождя Сталина”, они помнили одно лишь слово „За Родину”.

*) Бахчисарай город потомков Гирей Крымского ханства, правящего полуостровом с начала десятого века, до его присоединения в 1783 году к России.

Реальный выигрыш наших бригад дал полную возможность генералу Волкову снестись с танковым батальоном, который как и мы, был долгое время в тылу врага и оперировал в степной части Крыма.

Командующий, заручившись согласием командира танкистов о совместном прорыве и пополнив бригады трофейной техникой, заверил личный состав наступавших, что теперь никто не сможет задержать его войска на дороге Бахчисарай-Севастополь.

Как видно не дремало и командование врага, зная о замыслах Волкова через своих лазутчиков, которое решило задержать с воздуха наши части и перерезать пути соединения с остатками Севастопольского гарнизона.

Враг бросил в район сражений несколько эскадрилий штурмовой авиации, которая на бреющем полете забросала взрывчатками продвигающиеся наши бригады, остановив в тоже время свои бегущие резервы, давая им возможность опомниться от внезапных атак русских.

Подоспевшие в это время неприятельские полки из Симферополя, восполнили потери своих резервных частей и начали не отходить, а перешли в контр-атаку.

Бои на этом участке стали особенно ожесточенные. Волковцы упорно стремились прорваться к крепости, немцы с остервенением задержали их, не считаясь с потерями. Центральная дорога сплошь была завалена трупами своих и чужих.

Все-же, не смотря на превосходство немецких сил, нашим частям удалось закрепиться по обеим сторонам лесозвилистой дороги, так как сама местность Юго-

Западной стороны Бахчисарая не давала возможности неприятелю развернуться и довести свои атакующие действия до больших размеров.

Естественные рельефы каменистого грунта пустырей играют большую роль при наступлении и отступлении и только поэтому, хотя вражеская авиация и прорезала наши позиции непрерывным огнем, инициатива боя оставалась на стороне русских.

Одна из трех наших бригад, дважды опрокидывала назад контр-атакующих гитлеровцев, сосредоточившими все свое внимание на самом центре дороги. Но враг пополняя все время свои таявшие силы новыми и свежими резервами, снова и снова шел в атаку.

Ряды бригад редели... Эта доблесть и мужество моряков и их презрение к смерти, образумили не один десяток эсэсовцев не встречаться ни с одним русским черноморцем.

Под прикрытием штурмовой авиации немцы теснили наш лобовой выступ. Началась рукопашная схватка на кособоре.

Шум моторов воздушных штурмовиков прекратился. Слышалось только прерывистое дыхание людей, предсмертные крики, стоны раненых, да возгласы: „Хай Гитлер!“. „Бей фашистов!“...

Как долго продолжалась эта схватка на кособоре я не помню, так как был ранен пулей в бедро и контужен бульжниками взорвавшейся мины.

штыковые атаки, переходившие в рукопашную схватку под Бахчисараем, шли одна за другой.

Смерть, выбирая себе жатву, носилась над нами как угорелая, но меня щадила. Хотя пуля нанесла мне третье ранение, из строя я не выбыл.

Стоны падающих, команда коловших, замораживали всякие чувства к болевшим ранам. В ушах стоял непрерывный шум и гул. Сознание то терялось, то вспыхивало с новой силой.

Наших Черноморцев настолько обуял боевой пыл, что с одним русским матросом не могли справиться несколько эсэсовцев.

Никогда не стирается из памяти фигура одного из многих наших богатырей — матроса Лесного.

Окруженный целой ватагой фашистов, Лесной стоял во весь свой высокий рост и разил врага то штыком, то прикладом. Кругом него уже валялись трупы не одного немца.

Устрашенный его видом, неприятель остановился. В это время залп врага свалил Лесного на землю, которую он защищал. Моряк был еще жив. Один из фашистов приблизившись к нему, ударил прикладом по голове.

Остальные фрицы набросились на безжизненное уже тело. Топтали его ногами, наступали на лицо и взмахами клинков рубили... пока от Лесного не осталась бесформенная груда кровавого мяса.

Таких героических поступков было множество и они служили примерами в последующие бои и страшно

пугали врага, который приближаясь к матросам невольно приостанавливался.

Сопrotивление кончается, но время дает выигрыш.

Для продолжения наступательных действий наших трех бригад, нужна была помощь крымских партизанских отрядов.

Их командиру Папанину срочно была послана эстафета, о присылке помощи.

Но ответ был получен — полный отказ. Идти к нам на помощь Папанин отказался, ссылаясь на запрет обкома партии.

Для тыловиков диверсионной службы, советский шлагбаум соединения с армией попавшей в окружение, был закрыт.

Чем мотивировался этот отказ, граничавший с прямым предательством своих же русских воинов, было неизвестно. Но факт оставался фактом. Остатки в живых Волковцев должны надеяться только на свои последние силы, которые были уже на исходе.

При наличии такой силы генералу Волкову трудно было совершить прорыв и снятие вражеских частей с осады города тем более, что пробираясь через множество препятствий, бригады его редели.

Поэтому атакующие с тыла войска Волкова не могли повернуть колесо вспять и заставить оккупантов отказаться от плана осады Севастополя, не считая ослабления некоторого их нажима на крепость.

Матросы, как и их собратья пехотинцы, в неравных боях совершенно выбились из сил и чаще начали поддаваться усталости.

По их изможденным лицам трудно было узнать даже близкому начальнику, что именно эти самые люди совсем недавно были жизнерадостными моряками.

Под ногами черноморцев Крымская земля стонала, ее поверхность полыхала пожарами и воинам нельзя было найти место, чтобы хотя на пару минут укрыть свою голову.

Гитлеровские резервы безостановочно контр-атаковали двигавшуюся вперед армию тыла. Но враг и сам нес настолько большие потери, что не решался наступать по ночам.

И только ночь приносила временную передышку. Ночная Крымская влага очищала воздух от ядовитого дыма взорвавшихся бомб и снарядов и от нестерпимого смрада разлагающихся трупов.

Солдаты жадно вдыхали свежий воздух, чтобы на завтра снова находиться в чаду и зловонии.

В последующие годы жизни мне не приходилось нигде больше встречать такие ночи, как только там, далеко, далеко на Юге России. Они только там такие бывают, которые своей живительной влагой даже раненому возвращали жизнь.

Хотя руль управления войсками находился в надежных руках генерала Волкова, маневренность прорывав-

шихся частей из-за усталости, становилась все труднее и труднее.

Молодые матросы, подражая выносливости своих со товарищей из старослужащих, тщетно старались усвоить всю тяжесть и сложность ведения огня при отходе на суше.

Будучи под прикрытием левого крыла бригады я невольно вспоминал поучительное наставление своего непосредственного начальника:

„Хотя на суше все бывает простым и доступным, эта простота, требует глубокого понимания даже самых опытных полководцев”.

И действительно: командир, попадая под факты множества непредусмотренных задержек, которых на позиции немало и, которые штабу заблаговременно предусмотреть нельзя, сразу становится далеким от той цели, которая была поставлена ему начальством для немедленного выполнения.

Группа или даже целая армия в мирное время по планам штаба, в своей структуре проста, но штаб чаще всего не предусматривает, что на фронте, в боевое время, эту армию могут двигать мельчайшие винтики сложнейшей военной машины.

В современных войнах, даже в стенах штаба крупного масштаба, невозможно всего предугадать и если мы вернемся к дням прошедшей второй мировой войны, то увидим, что и тогда верховное командование страдало „болезнью” — непредусмотрительности фронтовых задержек на местах боевых действий и лишь только по-

тому, что ни одна из воюющих частей не состояла и не составляла из себя целого куска, а все было собрано из отдельных единиц-индивидуумов, разных родов оружия и разных национальностей.

Поэтому, нам участникам обороны Севастополя, больше чем кому либо другому становится понятным, что самый даровитый полководец прошлой России и тот не смог бы в условиях тех дней, под навесами крепости держать врага у ее подступов целых девять месяцев.

* * *

Прикрывая отходящие части, неся большие потери мой отряд моряков настолько стал малочисленным, что командованию пришлось его подменить пятым батальоном. Последний, потеряв так-же не меньше третьей части своих штыков запросил себе смену, но заменить его было уже нечем и некем, поэтому его остаткам и поручили нести охранение и задерживать вражеский нажим у самого аула Бельбек.

На этом участке наши лобовые бригады понесли непоправимые потери, все же прорвали неприятельскую линию осажденной крепости и соединились с гарнизоном Севастополя.

Нескольким матросам осажденной со всех сторон крепости, каким то чудом удалось обнаружить и открыть скрытые штольни неприятеля и через них впустить подошедшие подразделения с Юга генерала Грекова.

Приморская армия составлявшая крепостной гарнизон, одновременно пополнилась значительными люд-

скими силами генералов Волкова и Грекова, которые личной отвагой подняли в них боевой дух и вывели, как обещали, из окружения обратно в Севастополь.

Многое сделали на конечном рубеже Юга России эти два генерала. Они дважды попадали в окружение, дважды громили фашистов и дважды выводили свои войска из огневого капкана смерти.

Неприятель, как и в сорок первом году, был остановлен у самых ворот крепости, но и малочисленному осажденному гарнизону уже некуда было отходить. Впереди шумело бурное море. Позади — вражеская полуподкова.

Обложив огненной завесой город, немецкое командование применило все имеющиеся у него огневые средства.

Фашистам уже был нужен не сам город. Они стремились захватить его живых обывателей, защитников в черных бушлатах....

Послушные слуги фюрера — Геринг и Манштейн осаждали крепость с воздуха и с суши, из самых больших калибров орудийных стволов.

Осаждающий враг бросил на городские руины не меньше как полмиллиона разрывных снарядов, не считая воздушных бомб.

И все-же, будучи скованными с трех сторон, черноморцы не уступали своих гнезд обороны.

Были моменты, когда матрос израсходовав последний патрон, подымался из своего укрытия и один врзался в окоп неприятеля.

Воюющие стороны были неравные, штурмующие дивизии врага пополнялись новыми силами и их превосходство сужало все оборонительные линии крепости.

Критическое положение гарнизона, на этот раз поправил, хотя временно, флот.

Несмотря на свою рассеянность, он отдельными единицами прорвался через вражеские минированные поля и у берегов Инкермана первыми своими орудийными залпами заставил Манштейна отвести ударные дивизии от стен оборонительных бастионов.

Немцы, минировав побережье Юга и район Инкерманских вод, повидимому не предполагали, чтобы парализованные еще в начале оккупации полуострова русские эскадры, посмеют снова появиться под Севастополем. В этом они ошиблись.

Черноморские корабли и береговые батареи бастионов своим метким огнем, вынудили врага отказаться идти вперед на крепость, не закрепившись на своих исходных позициях.

Получив помощь с моря, гарнизон крепости тут же перегруппировался и снова был готовым встречать врага.

Русские ядра корабельных орудий и дальнобойной артиллерии, опрокинули все расчеты неприятельского командования и заставили его на некоторое время отказаться от контр-атак на Севастополь. Враг считал но просчитался. Он не смог Инкерман обойти.

Манштейн оттянул свои передовые части ко второму эшелону и в спешке накрывшего огня с кораблей, бросил много боеприпасов.

Положение гарнизона считавшееся почти безнадежным, теперь начинало снова выправляться.

Это была победа совместная — флота и наземных войск. Но она дорого обошлась и матросам и солдатам, защищавшим базу флота на Юге.

Инкерман, как таковой в последнюю войну, большой роли не играл и защита, как и нажим со стороны врага последнего, не были столь важными, как сама крепость Севастополя.

Этот древнейший крымский городок, по турецким сведениям, имел не менее трехтысячной давности.

Каждый уступ его скалистых стен, сотни и тысячи раз орошались человеческой кровью.

Древнейшие греческие поэты и географы с ужасом рассказывают в своих поэтических стихах о неприступных скалах Инкермана, с которых Скифы сбрасывали вниз головами пленных мореплавателей — греков.

Он в те времена ни кем не был покорен и как-то совсем случайно был взят только Диофантом, знаменитым полководцем того времени Митридата 4-го царя Понтийского.

* * *

Защищая крепость, надеясь только на свои силы, Севастопольский гарнизон опасался одного: чтобы само

начальство в последнюю минуту не сдрейфило, что позднее и случилось.

Немецким многочисленным дивизиям, при всей их технике, никогда не удалось бы отбросить в скалы Херсонеса войска обороны, если бы последние имели в своем распоряжении хотя бы одну эскадрилью самолетов.

Штурмующему врагу давала перевес над нами исключительно герингская авиация, которая беспрепятственно хозяйничала в воздухе. И только благодаря этому воздушному хозяину все попытки нашего командования — теснить врага от стен города — не привели ни к чему.

Немцы укрывшись за крышей горных склонов от огня артиллерии, с помощью своей авиации задержались.

Мой отряд растрепанный боями, пополнился разношерстным составом. Матросов в нем осталось очень мало и он должен был влиться в минометный батальон, стоявший левее Малахова Кургана.

Разместившись на трех танкетках и одной бронемашине, вошедший в состав минометчиков, мой отряд тронулся на оборонительную линию, именовавшуюся условно — под номером 9.

Прислонившись к холодной броне машины я не верил, что враг сильнее нас, что он может сломать оборону города, но когда добрался до места назначения и разместил отряд по огневым точкам, мне стало ясно, что Севастополь, так или иначе, удержать сил не хватит, что целостной обороны, как и прежде нет и что, не смотря на задержку врага под городскими стенами, успехи все же на его стороне.

Тогда я ясно увидел нашу заброшенность, одиночество, в которое бросила нас всемогущая Москва, отказав Севастополю в помощи не только живой силой, но и медикаментами, боеприпасами и продуктами, не говоря уже о самолетах.

Кремль сознательно отдавал и город и его гарнизон на гибель. Ведь каждому было ясно, что горсточка русских солдат, перед целыми вражескими полчищами, как бы вынослива не была, устоять не могла.

И даже партизанам Папанина было запрещено идти нам на помощь.

Мировая общественность уже знает о героике русских воинов защищавших от фашистов Сталинград, Одессу, Севастополь, иные города нашей родины, знает о Белгородском и ином окружении. Она восхищается мужеством наших воинов. Но историки еще не написали, какой ценой для русского народа давалась эта победа и сколько она взяла ненужных солдатских жертв, благодаря только бездушию и безалаберности в „стратегии” Верховного командования СССР.....

Неволя, в которой очутился снова Российский народ после войны, не стимулировала чудовищных потерь русских солдат, как и самой победы над врагом.

* * *

Прикрываясь авиацией, вражеская артиллерия возобновила интенсивность своего огня и дала возможность дивизиям Эс-эс перейти к штурму крепости.

Продолжавшийся десятичасовой бой у стен города все-же не дал врагу того, что он ожидал.

Понеся большие потери, гитлеровцы прекратили наступление и инициативу штурма крепости передали своей авиации.

На рассвете следующего дня, для Севастополя настал „страшный суд“.

Воздушные хищники Гитлера с бреющего полета бросились на город, забросав буквально все точки обороны бомбами.

От этой бомбардировки с воздуха обороняющиеся понесли больше потерь, чем от обстрела артиллерии и другого оружия.

Воздушный враг заставил черноморцев отступить и навсегда отказаться от контр-атак.

Отход этот был последним и непоправимым для севастопольцев в 1942 г.

Что еще могли предпринять черноморцы, если они уже знали, что оба их военачальника, генералы Волков и Греков, сражаясь до последних сил, пали смертью храбрых на поле брани?

Через два дня каждому стало ясно, что все идет к краху.

В эти дни политруками начал распространяться среди солдат приказ генералиссимуса Сталина, гласивший:

„В плен никому не сдаваться, так как это считаю изменой социалистической родине и Советскому Правительству“.

Но самострелов не оказалось даже среди ярых сторонников коммунизма. Пример начал показывать бригадный комиссар А. Чирков. Видя и свою близкую ги-

бель, этот комиссар заставлял солдат и матросов друга друга уничтожать, если не окажется последнего патрона для себя.

В принуждении защитников крепости к самоуничтожению, Чирков оказался не одинок, у него нашлись и здесь, на краю гибели сторонники, которые как и он, обезумевши перед страхом гитлеровского плена, призывали к самоубийству.

Один из таких политруков, каким то образом умудрился даже выпустить летучки, в которых сообщал, как он, будучи на Украинском фронте видел, когда один из гвардейцев, в самый критический момент выкопал окопчик, лег в него и сорвав с гранаты кольцо, подорвался вместе с группой красноармейцев, но не отдался живьем неприятелю.

Более трезвые солдаты не верили в эту летучку и доказывали колеблющимся, что такая смерть не образец героизма, что такую смерть над собой могут учинять только фанатики-коммунисты, которые в одинаковой степени боятся и Гитлера и своего „вождя“.

И если такой гвардеец и был на самом деле, то пропаганда политкомиссаров для него оказалась сильнее его совести.

При обороне Севастополя не мало погибло солдат и матросов, но ни один из них не походил на комсомольца-гвардейца. Они умирали за родину, но не за Сталина.

Призывы политруков заставили и меня глубоко задуматься. Что выбрать — плен, страданье в плену фашистов или смерть от своей руки.

Ведь кончать самоубийством, ни родина, ни мой народ меня не призывал. Родина призывала — защищать ее. Только защищать. А когда не стало средств и сил это делать... зачем же умирать? За кого? За Сталина?.. Ведь только он один, да его приспешники требуют нашего самоубийства.

Кто-же должен тогда попасть в плен?.. Слабые духом, не решившиеся пускать последнюю пулю в себя... Нет, гвардейцу надо было добывать себе волю не послушанием приказу, а своей силой, волей, в равной степени как у гитлеровцев так — и у диктатуры Сталина... И мне, как командиру позорно перед своими подчиненными следовать примеру гвардейца...

Убедив себя именно с этой стороны, я не задумываясь больше отверг все доводы политруков и доказал своим товарищам, что в смерти этого гвардейца никакого геройства не было. Умирать только по приказу Сталина граничит с сумасшествием. И если нам выпала доля такая — плен, то надо испить свою чашу до дна.

* * *

Молчавшая долгое время осадная артиллерия, между Лабораторной балкой и Логовым оврагом, до самой Килен изменности, идущей к Южной бухте, снова заговорила, одновременно с бомбардировкой с воздуха Малахова Кургана, лишив Севастопольцев последних укрытий.

Огонь обороны, по мере разрушения наших последних укреплений, прекращался. Советские суда ушли в

море. Стало понятно, что город, по воле некоторых политических военачальников, приговорен к смерти.

Вся Приморская армия, после героической смерти Волкова, была генералом Петровым предательски оставлена и брошена во вражеский плен.

Это был плен с двух сторон: плен врага и отказ помощи Сталиным, который объявил всех не уничтоживших самих себя под Севастополем изменниками социалистической родине и коммунистическому правительству.

Этих, так называемых „изменников“, к нашему удивлению, а к моему сожалению оказалось — около ста тысяч.

К началу осады Севстополя гарнизон составлял 250 тысяч бойцов.

П Л Е Н .

Ч А С Т Ь П Я Т А Я .

Семикилометровый рукав пролива, который с давних времен в Севастополе называется Большим рейдом, теперь, как и Камышева и Стрелецкая бухта, кишел вражескими быстроходными канонерками с конвойными.

Эти конвойные группы охраняли пленных черноморцев, которым было приказано обезвреживать, неразорвавшиеся по разным причинам, свои же бомбы и мины.

Эти минуты в неволе и роковая первая ночь нашего пленения, прошли в каком то дурмане.

Никто из нас не мог понять, вникнуть в самую правду, что-же случилось? Такое состояние бывает у человека после кризиса тяжелого бредового недуга...

Только такой человек впереди видел жизнь. Мы-же видели только — смерть.

Сами завоеватели, одолев непокорных черноморцев, тут-же начинали их уничтожать, без всяких допросов и опросов, а вместе с ними, судьбою войны попавших им в руки женщин, детей и стариков.

Завоеватели Крыма упивались кровью. Они неистовствовали, получив долгожданную победу.

Произвол гимлеровских эсэсовцев, садизм самого генерала Манштейна, в истреблении мирного населения, нельзя было назвать необходимостью во время войны.

Это был заранее задуманный план уничтожения подсоветских рабов и, главное, моряков, за которых в то

время никто не нес ответственности, в так называемом „цивилизованном двадцатом веке“.

Теперь, много позднее, мне хочется сказать нашей современной общественности, чтобы она не позволяла, так именуемым высокопоставленным невежам, назывзть себя жертвами за права народа, поскольку все их „жертвы“ тускнеют перед страданиями тех, кто пережил войну и плен в гитлеровской неволе.

На глазах этих пленных догорали наспех сооруженные жителями убежища и пламя огня пожирало все находившееся кругом.

Женщины-матери, прижимая к груди детей, криком просили о пощаде. Но пощады не было. Враг победитель был неумолим. Его гусеницы холодных бронемашин давили и женщин, и детей, и все живое, встречавшееся им на пути.

У разрушенной стены лежит мертвая женщина. Рядом с ней, уцепившись рученками за юбку, копошится ребенок и пискливым голоском зовет мать.

Подбежавший эсэсовец, сапогом отбрасывает ребенка... другой наступает ему на голову ногами...

Доблестные солдаты генерала Манштейна празднуют свою победу. Их не останавливают ни стоны, ни крики, ни мольбы о пощаде.

Я передвигаюсь по развалинам города в замкнутом людском загоне пленных. На наших глазах победители справляют свой кровавый пир.

Я погружаюсь в какой-то бред и так-же начинаю кричать, не зная зачем и кому. Кричат и мои соседи по загону.

Одно было желание, заснуть и не проснуться. Никогда не проснуться. Но, нам последним живым солдатам родного города, выпала доля видеть еще и гибель крепости, и гибель ее населения. Видеть то, что страшнее самой смерти во время боя.

Плен у немцев, самая ужасная вещь. В таком плену и „свой“ перестает быть своим. Даже близкий начинает чуждаться тебя.

Пленные — это стадо животных, подгоняемых кнутом. У пленного отобрано все человеческое.

В нашей среде образовалось два лагеря: один лагерь — это пленные, которые решили переносить всякое унижение, голодные дни, веря, что в конце-концов неволя кончится.

Другие наоборот, бросались сами в пасть смерти гитлеровскому Гестапо и под пули эсэсовцев.

Они поносили, ругали фашистов, пока не падали мертвыми под выстрелами конвоя. Другие, просто бросались на охрану.

Советские военнопленные, из всех попавших в плен европейцев, были самыми несчастными людьми. Они были обращены в стадо скота. Но Всевышняя Сила хранила их, она вливала в них силу и надежду за колючей проволокой нацизма.

Недаром ходила поговорка: „Чем больше немцы нас уничтожают, тем скорее войну закончат“.

Варвары из гитлеровского гестапо не поняли одного: что земли России захватить можно, но всех русских уничтожить нельзя.

Мне лично было ни тяжелее, ни легче, чем остальным. Безстрашие к постоянным избиениям вселялось одинаково, как и к голоду.

И с течением времени, я больше и больше начал убеждаться, что и здесь можно терпеть, если имеешь какую-то надежду?

В чем именно была эта надежда, я не знал. Но чувствовал, что она оправдается.

Ведь даже человек, которого ведут на казнь, живет надеждой. На что-то. Только поэтому он не бросается из конвоиров, не бежит... ожидая спасения.

Ожидал его и я. Ожидали и те сотни тысяч других пленных, которые находились в неволе Гитлера...

* * *

*

Во время этапов, когда тот или иной моряк, весь израненый, падал в изнеможении, его не стреляли, а добивали палками.

Другие, шли с открытыми ранами, им не давали ни медикаментов ни перевязочного материала.

О многом пришлось передумать в те никогда забываемые дни нашего пленения.

Почему именно русские были на особом учете у гитлеровцев и назывались „унтерменшами“?

Почему для пленных французов, американцев, англичан создавались более легкие условия и их так не истребляли, как русских?

Почему этот сильный народ, любящий свою отчизну и умеющий ее защищать, в равной мере уничтожался и Гитлером и Сталиным?

Сейчас, как никогда приходишь к одной мысли, что вина русских в прошлую войну только одна: они опоздали вступить в освободительное движение генерала А. А. Власова, а для этого были возможности и представлялся момент, расправиться раз и навсегда со своими отечественными врагами — коммунистами, как с врагами, не только прав, но и свободы.

Но если кто либо, читая эти строки, скажет: не за все же винить нужно, а нужно действовать, искать правду, как это многие называют „МОЕ ПРАВО“.

Да, именно нужно искать и в искании спросить: — имел ли это самое „право“ русский воин у советской власти? Мог ли он требовать, для своей самозащиты, это великое слово у Кремлевских вождей?

Конечно мог и заслуженно, но не получил! А разве солдат Великой страны, как Россия, заслуживает этого наказания от советского правительства и от непонимающего Запада? Конечно, так-же как и первое, нет!

* * *

*

Много пришлось пройти по бездорожью в неволе. Много убитых осталось по дорогам плена, но мало сохранилось в памяти мест привалов.

Вот один из них...

Вечер. Конвой устал и остановил ряды обессиленных пленных. Последние сразу валятся на землю, чтобы хотя на минутку отошли опухшие от хотьбы и от голода ноги. Ни у кого нет ни капли воды. Жажда сжигает все внутри. Но просить у врага хотя глоток влаги — бесполезно. Получишь удар прикладом или пулю.

В этой оборванной, потерявшей всякий человеческий облик, толпе все время слышатся стоны, крики умирающих. К врагу присоединился еще один союзник — тиф. Тиф собирает большую жатву среди пленных.

Но и на грани смерти, кто-то находит в себе силы и кричит, что оборону Севастополя продало само руководство советского штаба. Его окружают другие пленные. Начинается спор: одни защищают штаб и сваливают вину на недостаток технических средств, другие ищут причину в измене офицеров, третьи просят замолчать и не привлекать внимания конвоя.

Даже здесь, в руках врагов, на краю своей гибели, матросы не забывают родной Севастополь.

Они несут его вместе с собой в сердце, в душе по страшной дороге плена.

Вглядываясь в изможденные лица своих товарищей, в их изорванные тельняшки, мозг мой разрывают мысли: как и что могло случиться с черноморцами? Почему, перед ними только вчера трепетали гитлеровские хищники, а сегодня босые, голые и голодные существа. Почему же, русский солдат сделался послушным рабом?..

Так, с мыслями на которые не находишь ответа, мы шли сотни километров, оставляя за собой Крымскую землю. А на этой земле, забитых палками, пристреленных, умерших от тифа и дизентерии, сотни трупов своих соратников...

Не забывается и предпоследний этапный привал около города Днепропетровска.

Пленные уже не шагали, не шли, а тащились многие, многие дни без пищи и воды. Они, теряя последние

силы выносливости, спотыкались, падали на землю и молили конвой — пристрелить.

Гитлеровцы мольбу падавших охотно принимали и очередями из автоматов кончали их, а вместе с ними и тех, кто еще боролся со смертью.

И вот, в эти минуты полнейшего отчаяния, которое начинало охватывать весь наш загон, раздался голос, до этого никем незамеченного пленного.

— Спасайте себя! — Крикнул он. И продолжал:

— Что вы делаете, безумцы! Ведь вы христиане. Плен был и до нас, во все дни войны, но умирали в нем меньше чем в наши дни. А если умирали, то знали — за что. Их дороги так не были устланы трупами. Для них был ясен крест Спасителя. Души, отходящих в другой мир были спокойны за оставленных родных и близких. Их смерть не была бесцельной”...

Человек этот оказался медицинским работником, несколько раз контуженным при обороне Севастополя. Он был уже пожилой человек.

Его старческий голос выделялся среди всей толпы. Он начал во всеуслышание молиться и призывал всех присоединиться к его молитве. Он убеждал русских невольников, что еще есть выход и отсюда в дверь света, только нужно спросить Спасителя и верить в его бессмертные чудеса.

— Не забывайте, — продолжал пленный проповедник, — жизнь для всех дана равной Господом Богом. И если у некоторых из вас душу охватил страх, то надо крепить себя и просить Всевишнего Творца о милости

его к нам несчастным. Он никого не отвергнет. Он вернет нам силы к сопротивлению с властвующим сатаной..."

Говоривший далее о трагедии Российских народов и милосердии Всевышнего, настолько зарос бородой, что его даже знавшие пленные врачи не могли долго опознать, как своего медицинского начальника.

Своими словами Андрей Михайлович Буров привлек к себе не только верующих, но и не верующих в Бога.

Пленные толпились около него и хором повторяли сказанные им слова.

Доктор, заканчивая свою проповедь, призывал пленным не отчаиваться. Он говорил им: „Как невидимы ваши души, так и невидимый для человека Бог. Но молящиеся и просящие познают Его в Его божественных творениях. Духовному совершенству нет преград и равной силы, так все земное принадлежит только одному Богу”.

Проповедь старика доктора потушила у пленных отчаяние. Они начали, кто как мог, молиться и утешать друг-друга. Многие из них плакали.

Только здесь, в страшной муке плена, в городе смерти, солдаты получив духовную пищу — успокаивались, молясь и за себя и за близких своих.

Прося защиты у Царя Неба и Земли, пленные видели перед собой не Советский Союз, где на месте взорванных и разрушенных церквей стояли клубы, склады, ленинские избы-читальни, а видели Россию с многочисленными храмами...

В религиозном экстазе стояла толпа пленных, ободренная словами проповедника, который поднимая голову

в синеву неба, горячо молился за своих братьев по плену...

Неожиданно тишину прорезала трескотня ручного пулемета, в руках одного эсэсовца.

Доктор и несколько пленных упали на землю мертвыми.

Многотысячная толпа невольников заволновалась. В сторону конвоя полетела угрожающая ругань, но поднятые стволы бронемашин заставили ее замолкнуть. Пленные разойдясь, начали строиться пятерками, для дальнейшего пути.

Чем дальше уходила колонна от жестокой расправы, тем больше загоралась у каждого злоба против врага.

Страшно было поверить, что эти передвигающиеся „мощи”, могут быть, кроме Высшей Силы, кем то защищены и спасены от верной смерти, шагавшей за ними по пятам.

Смерть таилась и в горячечном тифозном бреде, и в коликах дизентерии, и винтовочном прикладе и пуле конвоира.

Смерть подкарауливала каждого из нас, на каждом шагу.

Я сам лично был убежден в полной гибели всей нашей колонны пленных. Ведь разве можно, при полном физическом и духовном истощении пройти сотни километров по пыльным дорогам родной земли? А если и пройдем эту свою Голгофу, что дальше? Снова тифозные вши, снова побои и гибель если не от пули, то от простой дубины.

И снова, все с большей навязчивостью зарождалась в нашем воспаленном мозгу мысль. Мысль эта была мучительной и сильнее, и побоев и болей от ран.

„Изменники мы или нет?“ Если да, то перед кем? Перед народом или только перед советским правительством? Была ли под Севастополем измена своему народу тем, что мы оставили себя в живых или наши мысли только бредовые осадки от дьявольской советской пропаганды, что „Сталин это родина, а родина это Сталин“.

Теперь, спустя годы, даже странно ставить себе такие вопросы. А ведь тогда, в те дни минувшей войны, именно так и было: сотни тысяч молодых воинов-комсомольцев, на фронтах, да и в самом плену, сознательно умирали за „вождя“ — Сталина.

И не раз, во время атак на врага, неслось по полю, вместо традиционного русского ура, — „За Сталина!“

Многие, в том числе и я сам, только очутившись на Западе разуверились и поняли окончательно всю лживость советской пропаганды и ложь самой советской действительности.

Что, если мы, советские пленники не наложили на себя руки, то изменили не Родине, не России, а Сталину, не выполнив его повелительного приказа: — „последняя пуля для себя“.

Что-же касается Родины, то были ли мы на Юге, на Востоке или же в неприятельском плену, она всегда была с нами.

Я не знаю, почему и до последнего времени коммунисты и даже здесь — на Западе, некоторые эмигрантские политические деятели из так называемого „прогрес-

сивного лагеря“, убеждают, что Россия не должна признать нас своими сынами, а только изменниками.

Неужели и наши отцы и братья, наши близкие и друзья, забыв жертвы под Севастополем, тоже обвинят нас в измене?

Не верю я этому. Не верят и мои многие соотечественники этому. Россия это не Сталин. И не Молотов и никакой другой диктатор. Россия никогда не забывала и не забудет своих патриотов. Последние еще ей будут нужны в новых рядах солдат и людей в черных бушлатах, которые на этот раз будут побеждать не гитлеровский нацизм, а большевицкий коммунизм.

Мы не изменники, а наоборот, жертвы бездарных советских генералов, во главе с самим Сталиным и, только по их пресловутой стратегии, очутились в плену у немцев.

Мы прошли все: школу унижений, школу оскорблений; прошли голод и нужду и раз уже было суждено остаться в живых, то будем ждать час призыва на новые походы против мирового зла — коммунизма.

Мы — уцелевшие, верим в силы своего народа на родине. Антинародной власти, как и гитлеровцам придет конец...

Заболевший страхом коммунизма мир, как и сама Россия оживет и начнет залечивать свои раны от красного империализма, поглотившего уже немало свободных народов.

Настанет час, когда русские люди перестанут быть „унтерменшами“, „морлоками“ и им поклонится Западный мир, как больше всех угнетаемым коммунизмом и

кто в своем угнетении первым нашел силы к сопротивлению, кто сумел избавить себя и всю землю Вселенной от чумной заразы безбожия и угнетения.

Народ Российский терпелив. Он покорен до предела своего унижения. Но, когда терпенье его кончается — горе всем оккупантам и отечественной деспотии.

Т ю р ь м а .

Если в дни осады Севастополя, даже открытая Графская пристань была укрытием от неприятельского обстрела и защитники, в благоприятный момент, в течении девяти месяцев благополучно перебирались через нее вдоль траверсов в балки передних линий обороны, то Днепропетровская тюрьма и ночью не могла укрыть черноморцев от глаз врага, в дни незабываемой осени 1942 года.

Тюремные корпуса так-же походили на крепость, вмещающая десятки тысяч пленников с разных фронтов и направлений.

Мрачные казематы пополнялись вчерашними защитниками базы Черного моря, и гитлеровцы, наспех, силами самих же узников, строили на тюремном дворе дополнительно конуры для воинов Красной армии.

Для смертников спешно строились особые камеры. Немцы предназначали их для советских моряков, которые наотрез отказались от национал-социалистического строя на оккупированных землях. Отказались и покупать себе свободу службой в немецкой армии.

Черноморцы стали первыми жильцами в этих камерах смерти.

Не прошло и десяти дней как и камеры, и вновь выстроенные конуры и подвалы самой тюрьмы были до отказа набиты не только черноморскими моряками, но и защитниками Ленинграда, которые, как и севастопольцы считались гитлеровцами первыми врагами „Новой Европы“.

* * *

Для ясности вернемся назад: когда и при каких обстоятельствах Севастопольский гарнизон был пленен, а сама крепость Черного моря разрушена немецкой авиацией до основания.

С утра, третьего июля 1942 года, гитлеровская авиация обрушила на Севастополь тысячи тонн взрывчатого материала.

Воссоздать этот ужас, во много раз хуже чем землетрясение, невозможно.

В этот день города не стало. Вместо него лежали только глыбы строений, памятников старины, тела жителей и защитников крепости.

Оставшиеся в живых мирные жители и черноморцы укрылись в пещерах Херсонеса.

Из пещер, кто не скончался от ран, были немцами выкурены слезоточивым газом.

Выходя из последнего своего убежища, солдаты сразу попадали в руки гитлеровцев, становясь пленными.

Это нельзя даже назвать пленением, поскольку ни один матрос не сдался с оружием в руках. Они были захвачены победителями без оружия...

Так кончилась девятимесячная эпопея Севастополя. Этот день, третьего июля 1942 года, останется памятным на долгие годы и для самой России и для будущего поколения.

Конец для сопротивления подошел не по вине черноморцев, защищавших город до пределов последней возможности, а только по одной причине: Верховная ставка в Москве отказала в помощи осажденному гарнизону, оставив его без боеприпасов, без авиации, без медикаментов и продовольствия.

Вот где таится измена и предательство и в отношении города, и в отношении России, и в отношении самих пленных.

Бессмертным датам оборон Черноморского побережья самой знаменитой победе адмирала Нахимова над турками под Синопом, идет уже сто пятый год и эта историческая дата победы не стирается из памяти народов России.

Не потому тогда была победа, что в те времена матросы были иные. Нет! Теми моряками руководили настоящие знатоки военного дела и к тому же патриоты своей родины.

Над нами же стояли интернациональные красные генералы, для которых родина заменило слово „коммунизм“, вместе со своим генералиссимусом Сталиным, который военную стратегию проходил по доктринам Маркса.

В те времена, адмирал Павел Степанович Нахимов разбил под Синопом, во много раз сильнее русских, эскадры Осман-Паши лишь только потому, что он был

настоящим военным стратегом, а не на бумаге верховным главнокомандующим в мундире с чужого плеча.

Поэтому только мы, уцелевшие, открыто говорим коммунистам, что заслуги их перед народами России в минувшей войне дутые. Победа над Германией, победа самих народов нашей родины. Не стратегия коммунистических вождей, а воля и ненависть к немцам солдат переборола всю их техническую мощь.

Гитлеровское командование хорошо знало о кремлевских делах советского вождя и только поэтому они так бесчеловечно поступали с населением оккупированных ими областей.

Гитлеровское Гестапо наперед было застраховано, что за несчастных Россиян Сталин не будет заступаться и, что прямой ответственности за рабов СССР никто не несет во всем свете. Не несет и не заступится ни Международный Красный Крест, ни Западная общественность. Русский народ, как и все пленники, находились как бы „вне закона“. Над русским народом годами издевалась своя власть, истребляя его как скот. Западная общественность молчала. Молчала и тогда, когда этот народ, в солдатских мундирах очутился за колючей проволокой у немцев, подвергаясь неслыханным зверствам.

Только ведь потому, после пригона Севастопольцев в Днепропетровскую тюрьму, Гестапо — от бородатого до безусого матроса причислило к категории „унтерменшей“.

К черноморским морякам немцы поставили такую охрану палачей, которые без разбору и без основания

приклеивали им ярлык красного партизана и тут же расстреливали на месте.

Моряки не имели ни фамилии, ни имени, а только номер. Под этим номером они потеряли все людские права. Это никого не тревожило ни в Берлине, ни в самой Москве.

Центральный Комитет ВКПб, независимо от Сталина, так-же хорошо знал об условиях русских в немецком плену, но он знал и то, что зверское отношение к пленным усиливает ненависть солдат и матросов не только к охране Гестапо, но и ко всем немцам без исключения.

Это заставляло даже самого отъявленного антикоммуниста бороться на стороне Советов, как на фронте, так и в тылу немецкой оккупации.

До нас не раз доходили слухи, что и среди немецкого командования, и в самом Гестапо, орудуют коммунисты, которые по директиве из Кремля — зверствуют над пленными и над населением, дабы вызвать со стороны последних злобу к фашистам.

Не знаю. Может быть это и так. Может быть, что одурманенные победой немцы из собственных побуждений истребляли русских по вековому антагонизму к ним, но по всей оккупационной местности началась борьба против оккупантов.

Жены, матери, отцы, дети, попробовав палку освободителя, забывали кнут Кремлевского коммунистического правительства и уходили в леса к партизанам.

В Россию вернулся 1812 год!

Об этой партизанщине 1942-44 годов, гденибудь беспристрастный историк расскажет на страницах своей

книги, как деревенские бабы, ночами просиживали в засаде, выжидая появления ненавистных „фрицов“; как пленили их и уводили в свой штаб; как десяти-двенадцатилетние дети служили связью между партизанскими группировками часто попадая в руки врага и принимая от него мученическую смерть; как закабаленный коммунистами русский народ, зачастую вооруженный одними ножами и вилами, защищал свою родную землю от врага. И как эти партизаны, после окончания войны, карались НКВД лагерем и смертью за то, что посмели остаться на оккупированной немцами территории.

Лагеря и камеры смертников.

Чем больше издевались обезумевшие от крови гитлеровцы над русскими пленными, тем сильнее у последних клокотала злоба к своим палачам и к предавшему их Сталину.

Даже находясь за крепкими железными решетками камер, моряки не сдавались врагу.

Матросская взаимность и братство дали им возможность организовать в группы и дать о себе знать не только Гестапо, но и своей, отрекшейся от них, Советской власти.

Матросы Черноморья, Балтики и Кронштадта, очутившись в камерах гитлеровских смертников, навсегда похоронили веру, что мудрый генералиссимус освободит их.

Они стали теперь защищать силой не только себя, но и собратьев пехотинцев от расстрела гитлеровцев.

Упросить словом палачей-садистов со свастикой на рукаве было немыслимо, к советским военнослужащим они были беспощадны.

Останавливало их только организованное сопротивление и мужество черноморцев, которые, хотя были и пленниками, но образумили кое-кого из гестаповских чиновников и те прекратили давать свои наряды подчиненным о массовом расстреле „унтерменшей“.

Но дни голода и холода продолжали собирать свою жатву среди пленных. Это принудило решать свою судьбу каждому, в отдельности. А выходов было всего два: кончать свою жизнь смертником или в ином случае, получить пулю в затылок, при побеге.

* * *

Большинство пленных выбирали побег. Для одних он сходил удачно, для других, в большинстве случаев, печально.

Гимлеровцы, при участившихся побегах, удвоили свой надзор. Они откуда-то узнали, что русским пленным кто-то помогает из охранного батальона.

В этом батальоне нашлись все таки немцы, которые, если и не совсем сочувствовали нам, то все-же делали некоторое послабление в режиме.

Свой побег я начал готовить с первых же дней знакомства с Днепропетровской тюрьмой. Думал о нем и в своем этапе, но осуществить его в пути возможности не представлялось, поскольку, кроме конвоя нас охраняли бронемашины.

Камера моя находилась в первом этаже, что на много облегчало мою задачу, а путь со двора я выбрал, когда нас гоняли на прогулку или на работу.

Подкоп под стену я делать не решился, да и работа эта была для меня не по силам, а остановился на окне.

Выбирая день, когда в охране стоял кто либо из „либеральных“ — конвойного батальона и сама охрана была более слабая, я начинал расшатывать прутья решетки окна.

Однажды, когда я увлекся своим занятием и натирал железо об железо, тяжеловесная дверь камеры неожиданно распахнулась и в камеру вошел гестаповец в сопровождении двух тюремных надзирателей — галичан, называющих ныне себя „Украинцами“.

Набросившись на меня, надзиратели настолько меня избили, что я потерял сознание.

Необходимо сказать об этой западной национальности, несколько слов. В немецких войсках они имели свои эсэсовские галичанские дивизии, которые по зверству к русским и вообще к иным национальностям, были хуже самих немцев. Служили они и в Гестапо, и в Комендатуре; исполняли роль и конвоиров, и тюремных надзирателей, и палачей. И не мало нашего брата, из русских пленных, погибло от этих зверей и не меньше перенесли страданий.

Надо сказать правду, что среди гитлеровских халуев, находились выродки и из нашей Восточной Украины, которые так-же не отказывали себе в удовольствии избить или застрелить Москаля.

И не одни Москали погибли от их рук, лежа на их совести. Много тысяч и евреев стали жертвами этих рук, во время истребления Гитлером еврейства.

Сейчас эти самостийники, находясь вместе с нами на чужбине, смеют заявлять Западу, что русский народ империалистичен и тоталитарен, что русские — поголовно коммунисты. Но пусть они скажут и откроют мировой общественности, что они представляют из себя? Что они делали, служа верой и правдой своему фюреру Адольфу Гитлеру? И сколько от их рук погибло народа на оккупированных немцами землях и в лагерях пленных, в угоду того-же Европейского хозяина.

* * *

Как долго мне пришлось пролежать в бессознательном состоянии от жгучих ударов жандармских плетей и кулаков, я не помнил, но пришел в себя я уже не в камере смертников, а в тюремном околотке для „доходяг“.

Повидимому, по моему истерзанному виду, палачи решили, что я уже не жилец на свете и перейду в иной мир без их помощи.

А возможно и то, что среди охраны нашелся некто, кто не захотел мною увеличить число расстреленных русских.

Последнее мое предположение, вскоре оправдалось. Находясь среди тысяч больных и изувеченных, мне удалось узнать человека, который подворил меня в околоток.

Жизнь в этом околотке ничем не отличалась от камерной, за исключением разве того, что здесь можно бы-

ло лежать сутками и не видеть ожиревших на фашистских хлебах палачей-галичан, служивших здесь внутренними надсмотрщиками.

Отойдя от побоев, ознакомившись с новой для меня обстановкой я узнал, что отчисленные по состоянию своего здоровья в „доходяги“ моряки, бегут и из околотка и что из 207 палаты недавно бежало два москвича, которых так и не поймали, хотя на их поимки были спущены и овчарки и отряд сыскной полиции.

Необходимо оговориться, что наряду с избиениями и расстрелами, бывали случаи, когда в самой среде начальствующей жандармерии, находились немцы, которые пользовались своим служебным положением, содействовали русским: облегчали им побег, меняли им фамилии и нашиные номера военнопленных.

Эти люди, при малейшей возможности старались как можно меньше подставить русских военнопленных под огонь Гестапо.

Убедившись, что в стане врага есть еще люди с сердцем я, как только почувствовал себя здоровее и раны от побоев зажили, снова начал думать о побеге.

Почему я остался в своем замысле одиноким? Этот вопрос может задать мне читатель.

Верные друзья по плену, если не были убитыми, то оставались в камерах смертников, а здесь, среди „доходяг“, трудно да и опасно было доверить кому-либо свою тайну и найти сообщника, хотя он возможно и находился в этом людском муравейнике.

Ведь голод, повальная смертность и угроза расстрела, нередко когда-то честного, но слабохарактерного

солдата, сумели довести до полной душевной прострации и некоторые из таких, поверив геббельсовской пропаганде о справедливости национал-социализма, а то попросту благодаря своей слабости, за лишние поллитра баланды, становились доносчиками по отношению своих товарищей.

Кроме этих причин были и другие: одни больные, настолько душевно обессилели, что не решались не только бежать, но даже подыматься со своих нар.

Такие пленники молча переносили все ужасы плена и молча умирали, не открывая рта.

Не все из нас рождены равными для самой жизни и не все одинаково могут играть своей головой, подставляя ее под угрозу смерти.

На размышление — как осуществить побег, у меня ушла не одна ночь. Строя планы я иногда заходил в непроходимый тупик: казалось, что как не обдумывай план побега, последний не осуществишь.

Пулеметные вышки смотрели на каждого из нас.

Но каждый из живых существ, получивший чувствительный удар по своему организму, внимательно начинает смотреть назад и стараться выждать полного выздоровления и только тогда, если противник после не нападает сам первым, строит нападение.

* * *

1943-й год был на исходе, а войне и плену не было видно конца.

Приближавшаяся осень несла холода, а с ними новые эпидемические заболевания, новые муки.

Я к этому времени находился уже не в околке Днепропетровской тюрьмы, а в походном лазарете, который согласно эвакуационного приказа, задержался временно в предместьях города Ровно, как раз в тех районах, где свирепствовала во всю дизентерия.

Лазарет с пленными разместился в подвальных склепах, бывших войсковых польских кошар, соединявшихся между собой узкими проходами.

Это новое помещение обнадежило меня в благополучном исходе моей затеи. Изучив детально все ходы и выходы в подвалах, я в одну из темных ночей, когда небо было покрыто тучами, дотронулся до холодного железа оконной рамы.

Оконное крепление в своей основе было большой давности и крестообразный прут продольного квадрата сильно поржавевший. Его я и начал расшатывать.

При моем истощении, превратившее меня в полнейшего скелета, труд этот давался не легко.

Семь ночей казавшихся мне веком ушло на эту работу. Откуда брались у меня силы в те часы у немощного и слабого — я не знаю. Но, ночь за ночью, час за часом, я побеждал железо. И, если-бы мне теперь, когда я совершенно окреп, выпала такая работа, я вряд-ли бы ее осилил. Но, тогда, почти полумертвый, я ее выполнил.

Удачный надлом решетки ободрял меня и осенняя ночная темень звала за окно.

Тогда, в последнюю для меня ночь в жуткой неволе гитлеровцев, я уверовал, что власть той ночи, как и моя судьба находились в руках Всевышнего.

Близость свободы пьянила голову. Она вселяла в меня крепость, как и сами ночные сумерки. Они как бы обещали укрыть пленника.

Перед побегом я пробовал найти себе друга, чтобы хотя в последние минуты сказать ему — „Прощай!“ Но такого не было.

И молча, в полнейшем одиночестве, я выворачивал молчаливое железо, делал отверстие и маскировал его до следующей ночи.

Остался один прут. Он словно не хотел уступить моим усилиям, как я его не старался согнуть.

Скрутив из нижнего белья жгут и зацепив им за верхнее основание прута, я повис на нем всем своим телом.

Постепенно прут начал сгибаться и ... проход был открыт.

Обернувшись к безмолвным стенам подвального выступа, я с усилием пролез в оконную щель через набитый стеклом подоконник.

Осколки стекла впивались в мои костлявые ноги и локти, смачивая цементированный подмост каплями крови.

Но боль от стекольных порезов я не чувствовал. И если бы мне тогда пришлось ползти по раскаленным до-красна гвоздям, я бы полз...

Страшнее-страшного осталось позади, мною владела скрытая сила, отчаянье приходило само и я ему подчинялся.

Хотя и был на воле, но находился еще на территории врага. Первое свое убежище я нашел в шиповнике, кусты которого разрослись вдоль стены. Прячась в гущине я не чувствовал ни колючек, впивавшихся в мои руки, ни царапин от них.

Повидимому было уже за полночь, так как звезды на небе начинали блекнуть, а на Востоке чуть-чуть, полоской брезжил рассвет.

Свежесть осеннего воздуха подкрепила мой организм и вернула немного силы.

Утренняя зоря позволила мне хорошенько рассмотреть кругом: оставленные кошары и дворовые строения.

Не теряя времени я стал искать себе укрытия на дневное время и вскоре обнаружил его в стенной скважине, которая и укрыла меня от ищеек. В своем убежище я видел, как полевая жандармерия металась по двору, в поисках беглеца.

Берлога моя находилась под самым носом охраны, но ей конечно и в голову не приходило, что я скрываюсь где-то вблизи, а не в пути.

В этой своей стенной скважине я провел шесть суток. Голод настолько меня мучил, что я решил было на пятый

день отдаться в руки немцев. Но на шестой день высмотрел тропу, где сходились стены треугольником.

Ночью, я по пластунски добрался до места скрещивания стенообразного забора и увидел дикорастущее дерево, которое на этот раз выручило меня своими развесистыми сучьями.

Выждав время, когда происходила смена наряда, я как хищный зверь преследуемый охотником добрался по дереву до верхней, остроконечной стены, а оттуда, снова свалился в кусты шиповника.

Дождавшись ночи, я, где на двух ногах, где на четвереньках, прошел не меньше девяти километров.

Последующие дни застали меня уже не в пути, а под кудрявыми вербами, вдали от города Ровно.

Спать мне не хотелось, но мучил голод. Голова кружилась и я начал терять сознание.

Местность оказалась совершенно безлюдной. До моих ушей не доносилось ни одного звука. Только шелестела падавшая с деревьев листва.

Питался я исключительно неубранной кукурузой и свеклой. Голод истощал последние силы, сокращая мой километраж и я часто останавливался среди пустырей.

Местность по которой я шел, была для меня совершенно неизвестна. Эта неизвестность, а так же голод порождали безразличие, притупляли разум. Мне становилось все равно в чьи руки я попаду — к друзьям или к врагу?

Я потерял счет дням, времени. Иногда нападало какое-то забытие. Шел словно во сне. Не думая, что я пленный беглец.

Мне до сего времени не понятно, как могло случиться, что я никем не был замечен. Ночами я шел по проселкам и полям, днем переживал в оврагах вблизи сел.

Однажды, проходя мимо небольшого хутора, я наткнулся на заброшенную землянку. Это первое убежище вернуло меня к жизни, а вместе с этим к борьбе за жизнь.

С меня спали словно какие то чары-безразличия. В землянке я обнаружил ворох сена и несколько корок ржавого хлеба. Тогда эти корки показались мне самым сдобным пирогом.

В землянке я пережил, вернее проспал несколько дней. Протекавший недалеко ручей, куда я ходил ночами на водопой, крепил мои силы.

Однажды, под вечер, собираясь идти к ручью я при выходе столкнулся с рослым мордатом полицейским.

Не говоря ни слова, он двумя ударами в челюсть свалил меня на землю.

— Попался партизанская сволоч! — Рычал он, скручивая за спиной мне руки.

По разговору и по всему виду своего нового палача, я понял, что здесь ни мольбы мои, ни просьбы не помогут и, что я пропал.

Передо мной стоял, злобно ухмыляясь, галичанин. Здесь, эта нация несла у немцев тыловую службу, разъездных полицейских, главным образом, по обнаружению красных партизан.

Ткнув сапогом в бок, он выволок меня за ноги из землянки. Скрутив и мои ноги ремнем, куда то ушел.

Вскоре вернулся с повозкой и еще двумя полицаями.

Здесь галичане дали волю своей ненависти к „кацапам”.

Они плевали мне в лицо, топтали ногами... под ударами кулаков бросили на повозку.

Сгрузили меня с этой повозки уже в немецкой комендатуре, как пойманного ими красного партизана.

Комендант, не добившись от меня при допросе нужных ему ответов, отдал меня в руки своих помощников. Те, избив до кровоподтеков и не добившись края, отправили меня в лагерь Замостье, где помещался сборный пункт пойманных партизан и бежавших остарбайтеров.

Повидимому моя скелетообразная худоба и жалчайший вид не подтверждали мою причастность к партизанщине и гестаповцы без допроса, как гражданского бродягу, приказали отправить меня в лагерь Восточных рабочих, которые на Польской территории исправляли железнодорожное полотно.

Так неожиданно кончился мой побег из плена и дороге к воле преградил свой „брат” — украинец.

Восточные рабочие — „Остарбайтеры”.

В злопамятную зиму января 1944-го года, я оказался опять в руках врагов, но уже не военнопленным, а рабом оккупированных Восточных областей СССР, пере-

гоняемым по мере надобности с места на место, нацистскими командофюрерами вглубь Германии.

Нанесенные знаки на одежду с клеймом „Ост”, делали нас русских самыми настоящими „унтерменшами” и посмешищем не только для взрослого населения, но и для детей гитлеровской Германии.

Куда бы мы не попадали на работу: будь это Саксония, Померания, или Бавария, всюду нам была кличка советский „унтерменш”.

Немецкому населению и в особенности молодежи геббельсовской пропагандой настолько было внушено о дикости народов Советского Союза, что даже малыши кричали на Восточных рабочих, как на рабов дикой Азии, которых нацисты ненавидели всем своим партийным нутром.

Где мы не работали: на фабрике, в доме или у „бауэра”, всюду над нами стоял командофюрер, мастер или постовой с карабином, выжимавший в труде последние силы.

Немецкие нацисты, считая себя высшей расой, торопились превратить „остарбайтеров” в рабочие машины.

Гитлеровцы силами этих рабов спешили, хоть на пару дней, перед своей гибелью, построить „Третий Райх новой Европы”, с новыми порядками.

Нацисты не хотели признать 1944 год своей приближающейся могилой, хотя на их глазах и шло все к краху.

Министры Гиммлер и Геббельс не переставали до последнего дня своего поражения, охотиться за жертвами на Востоке.

Они заставляли своих подручных, как можно больше ловить по городам и селам даже уже при отступлении, россиян и вывозить их в Германию.

Среди этих вывезенных, при немецкой капитуляции, оказалось немало детей, женщин и стариков.

Пользуясь своим последним правом на захваченных землях гитлеровцы немало нагнали в свою страну рабов из Советского Союза, многих же русских они, как и евреев, просто расстреляли.

Ни один народ не нес в минувшую войну столько жертв, как русские и их могильные холмы не скоро сравняют современные политики Германии.

Тот, кто пережил гитлеровский военный поход на Востоке, тот убедился и узнал, что такое „вождизм” и, что такое настоящая свобода.

Мы-же, подсоветские военнослужащие хорошо себе уяснили, что советский коммунизм, не лучше гитлеровского нацизма.

У народов России не было другого исхода, как пойти на „мир” со сталинской диктатурой и общими силами бить гитлеровских оккупантов.

Издевательства же, избиения, истребления гитлеровцев, для россиян стали хуже сталинских пятилеток, поэтому население, в оккупированных областях, ушло в леса партизанить.

Что же касается большого числа пленных, оказавшихся в гитлеровских лагерях Запада, то из них верная половина не дожила до конца войны.

Голод, расстрелы, болезни миллионными цифрами списали в другой мир сынов России.

Другие миллионы dokonчили большевицкие палачи, после возвращения их на родину.

Оставшаяся горсть, находясь на Западе, дожидается своего часа — возвращения в Свободную Россию.

* *

*

Самый могущественный шквал на море в двенадцать баллов, не смог бы наделать столько бед, сколько наделали их, в короткий срок, накануне своей капитуляции гитлеровские эсэсовские отряды, по лагерям военнопленных.

Сотни лагерей вместе с их обитателями, запертыми в бараках, отходившими фашистами были сожжены, в знак мести за бомбежку Берлина.

Мне довелось, в числе многочисленной команды „Ост-арбайтеров”, побывать на ремонте железнодорожного полотна, вблизи старого немецкого города Нюрнберга и видеть ответ на это истребление русских, союзников.

Последние месяцы рушившейся нацистской Германии, особенно март и пятого, десятого, пятнадцатого, семнадцатого и восемнадцатого апреля 1945 года — забыть никогда нельзя, когда немцев охватил жуткий страх за свою родину.

Союзная авиация день и ночь бомбардировала укрывшиеся по городам, отходившие гитлеровские войска...

Нацистский город Нюрнберг, являвшийся колыбелью нацизма и в котором нашли убежище большинство гитлеровцев, горел не потухая круглые сутки.

Части эс-эс, верные своему фюреру, все еще не хотели складывать своего оружия и метались в полыхающих пожарницах.

Час возмездия, за все содеянное во всех оккупированных странах, для германских вандалов, наконец настал.

С какой благодарностью смотрели мы, „унтерменши“, на летевшие над городом американские самолеты.

Они нам казались посланцами самого неба, чтобы уничтожить на земле страшное зло, порожденное Адольфом Гитлером, национал-рассизм.

Мы спокойно смотрели, как взрывы бомб разрушали все подряд на своем пути.

И это не было варварское разрушение мирных германских городов, это было именно возмездие за десятки миллионов разоренных, искалеченных, расстрелянных, забитых, сожженных в газовых камерах, осиротевших людей.

* * *

Многие из нас военнопленных, после войны не захотели вернуться в „коммунистический рай“ только потому, что и гитлеровский нацизм и коммунистический деспотизм, чужд русским людям.

Вернуться назад, это изменить свободе и самим традициям наших отцов, так как Советский Союз — не Россия.

Многие пришли и приходят на Запад и после нас из-за „Железного занавеса“. И все мы, так именуемые, новые и новейшие тоскуем не по Советском Союзе, а по родным местам родины России.

И эта тоска по родине и страшные дороги пройденные за эти годы, дают нам право заявлять, что и там тоскуют по нас наши семьи, наши родные и наш народ, под тем гнетом интернационального коммунизма, который отобрал свободу, бросил еще больше чем нацизм, в лагеря принудительного труда россиян.

* * *

Будучи уже свободными людьми в побежденной Германии, мы искали страну приюта и нашли ее в гостеприимной Америке.

Но и в ней нельзя забыть родину. Любовь к ней сильнее всех земных свобод.

Политические изгнанники, как и весь Российский народ, не впервые несут по вине своих „вождей“ и „правителей“ лишения, позор и унижения. Но зато, подрастающее поколение уж смотрит туда, где загорается заря Свободы.

Россияне-мученики, которым выпало в последней войне нести все тяжести этой бойни, будут первыми

пионерами той дороги, по которой современный большой мир придет и к своему покою.

На этом, дорогие друзья и соотечественники, я кончаю писать о своем пройденном пути жизни.

Если кому не угодил своим изложением, не обесчудьте.

Я простой солдат своей родины — России, вместе с ее народом, прошедший по жутким годам кровавой, ненужной войны.

Я верю, что уцелевшие защитники Севастополя, где бы они не находились, не забыли дней сражений у стен черноморской крепости и тех наших товарищей, которые погибли за русскую славу.

Нам, оставшимся в живых, остается немного: преклонить свои поседевшие головы перед разбросанными по всему свету могилами, лучших сынов России, погибших на поле брани, в руках гестаповцев и в лагерях военнопленных. Они дрались и умирали не за сталинский коммунизм, а за национальную и независимую Родину.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

День капитуляции нацистской Германии я встретил в Баварии, в городе Нюренберге.

Победа Союзных войск была для меня не только неожиданной, но и необычной.

Мне, как военнопленному, тогда все еще не верилось, что немецкие вооруженные силы разбиты на всех фронтах и гитлеровский „Райх“ погребен навеки.

Что-же касается севастопольского гарнизона, то он был фашистами побежден временно, после девятимесячных боев. И эта дата падения крепости ознаменовалась как неудача обеих равных сил, главнокомандующих Сталина и Гитлера.

Последний, взяв после кровопролитнейших боев развалины города и оккупировав Крымский полуостров, потерял на этом участке фронта почти все свои резервы.

Сталину же, от падения крепости досталась „выгода“. Ему, несмотря на многочисленные потери живой силы, за этот девятимесячный срок удалось накопить свои резервы и в нужный момент, памятной зимы 1943 года, бросить их под Сталинград (б. Царицын), где решалась судьба — кому быть победителем: национал-социализму или коммунизму.

В эти зимние месяцы предстояла страшная и к тому же решительная битва на реке Волге.

Москва под Сталинград бросила все, что только имела в своем распоряжении. Пользуясь помощью Василевского и др., Генеральный Штаб отдает приказ по войскам, о полной свободе действий генералам Жукову, Толбухину, Рокоссовскому, Малиновскому и другим командирам, которые и повернули потерянный маршалами Тимошенко, Буденным, Мехлисом и самим Сталиным руль фронта в пользу Советского Союза.

Немецкие генералы в лице начавшего войну Браухича, не взвесили всех возможностей, какими может располагать Москва.

Оккупировав Украину, Белоруссию, Крым и часть Кавказа, немецкая Верховная ставка считала, что война уже выиграна Германией.

Сам фюрер торопил своих генералов двигать войска, не взирая на потери, вглубь Российских просторов.

Но Гитлер упустил одно. Хотя он затеяв войну, вел ее вначале успешно, но не давал себе отчета, с кем он сражается? С коммунистами или с народами России.

Не верил фюрер и в то, что Америка пойдет на помощь Кремлю. Будучи убежденным из опыта прошлых лет, он доказывал некоторым своим противникам, предостерегавших его не распространять военных действий за Волгу, что Американцам не целесообразно тратить военные материалы и живую силу в Европе. Что Америка в конфликте с Японией, завязнет на Дальнем Во-

стоке и не даст никакой помощи СССР и Англии, с которыми он, победитель Европы, справится сам.

Под Сталинградом немцами была упущена и политическая выгода. Они не разрешили своевременно генералу А. А. Власову занять рушившийся Восточный фронт Российской Освободительной Армией, которая уже была сформирована и готова начать освобождение России от коммунизма.

Здесь, хотя вполне возможно, Гитлер устранился Власовской армии, чувствуя, что с падением коммунизма, не сдобровать будет и ему самому.

Приближенные фюрера: Геббельс, Гиммлер и Геринг, крича на весь мир: — Только на Восток! — хотели видеть разрушенный и сожженный не СССР как таковой, а Россию, с ее многомиллионным народом.

Поэтому то народы России и заставили сами себя подчиниться советскому диктатору в общей борьбе с гитлеровщиной.

Севастопольская, Ленинградская и Сталинградская битвы, показали всему миру заслуги и бесстрашие русского народа, хотя и обманутым советскими лозунгами, что война идет „отечественная“.

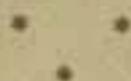
Кремлевская диктатура прикрылась обещаниями и играя на национальных чувствах своих подданных, склонила их верить в перерождение коммунизма, после победы над Гитлером.

* * *

Взятием Берлина окончилась и все военные действия на фронтах Востока и Запада.

Дикторы радиовещаний прокричали о том, что траурный флаг войны спущен и поднят флаг мира народов.

Но мира, как видим не произошло. Началась другая борьба, руководимая на этот раз не военными полководцами, а политическими хозяевами стран и не на полях сражений, а в кулуарах министерств.

Начиная войну, Гитлер конечно хотел ее выиграть. Но благодаря своей грубой недальновидности правителя и односторонней национал-социалистической политике, построенной на зверином расизме, проиграл ее, бывшему своему союзнику — Сталину.

Э П И Л О Г .

Бывший командир и комиссар эсминца „Безымянный” — А. Серов и Д. Зверев, как и весь военный совет Черноморского флота в лице адмиралов: Юмашева, а позднее Горшкова, секретарей обкома и горкома партии Семенова и Борисова, генералов Гугина и Петрова, поступили, в осажденном Севастополе, чисто по-советски.

В нужный для них момент, они без стыда и совести бросили гарнизон и город на произвол судьбы, улетев на самолете в тыл Красных войск, под защиту самого Сталина, который их не только принял, но и наградил за послушание орденами и медалями, как „героических” защитников базы Черноморского флота.

Генералы Волков и Греков отклонили всякое для себя предпочтение и вместе с защитниками крепости, сражались до конца дней своих.

Оба они погибли в бою при взятии Севастополя.

Временно замещавший должность командира эсминца „Безымянный” — М. Орлов, в одном из морских боев был смертельно ранен, вместе с моим земляком Василием Ладченко.

Евгения Волкобурова, наш „матрос в юбке”, в первые же дни войны была отозвана в Москву, где и затерялась в сутолоке столицы.

Первый помощник командира эсминца капитан Жук, старшина первой статьи Левченко, матросы П. Мищук, Л. Бобров и Крамский находились долгое время в составе восьмой морской бригады и по всем данным попали в плен с остальными защитниками крепости, во время последнего штурма, в июле 1942 года.

Что же касается довольно молодого годами, но уже успевшего изрядно поседеть капитан-лейтенанта Игоря Луцкого, оставившего по приказанию Штаба флота корабли: „Безымянный“, „Ч-27“, „Ч-17“ и торпедные катера, на которых он принял первое свое боевое крещение, остался и по сей день живым.

Этот черноморец, вопреки самой судьбы, уцелел от преследовавшей его по пятам смерти.

Контузии и ранения полученные им при защите Одессы и Севастополя, были ему дополнением к страшным побоям гитлеровских палачей.

Следы эти остаются с ним памятью о минувшей второй мировой войне, и как пытавшемуся даже в плену, оказывать сопротивление врагам России.

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ,

Приходите Выл отзыв о содержании, художественном оформлении и полноте эмиссии монографии книги **ТАТЬЯНА И ПЛЕНЫ** так же в свои монографии.

Пишите все постеснения и навсегда сразу укажите адрес своего жилища для эмиссии и ему книги.

Искренне адрес автор: Игорь Луцкий,
101-12-я улица, Петербург 194 1000.

107

95-Принимается заказ на эту книгу, подготовленную автором к очередной печати.

ИГОРЬ ЛУЦКИЙ

1940

Море

и

ПЛЕН

1945

